В. Н. ГАРТЕВЕЛЬДЪ

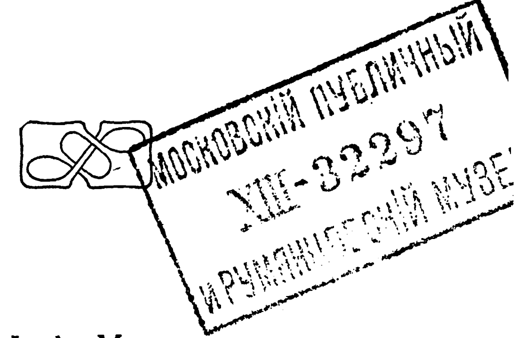
Печатных

листов

В. Н. Гартевельдъ.

СРЕДИ СЫПУЧИХЪ ПЕСКОВЪ И ОТРУБЛЕННЫХЪ ГОЛОВЪ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА
(1913).

Изд. I. А. Маевскаго.

МОСКВА.

Разсказы и очерки В. Н. Гартевельда объ его путешествіи по Сибири были напечатаны въ „Русскомъ Богатствѣ“ (1911. Январь—февраль—„Въ странѣ возмездія“).—Книга его „Каторга и бродяги Сибири“ была издана въ 2-хъ изданіяхъ. (Книгоиздательство Дѣло“. Москва. 1912).— Его „Пѣсни Каторги“ были изданы Книгоиздательствомъ „Польза“ (Антикъ). Москва. 1912. — Его „Пѣсни 1812 года“ изданы Книгоиздательствомъ К. И. Тихомирова. Москва. 1912.—Его критическія и другія статьи разбросаны по ежедневнымъ изданіямъ, какъ-то: „Русское Слово“, „Утро Россіи“, „Голосъ Москвы“ и др.

МОСКВА.—1914.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА,
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5.

В. Г. Короленко

въ знакъ почитанія и признательности

посвящаетъ свой скромный трудъ

Авторъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Зловѣще молчаливо тянутся безконечныя желтыя пустыни Туркестана!

Возьми песокъ въ руки и гляди...

Онъ красноватъ....

Текинцы говорятъ: «Отъ крови!»

Все можетъ быть....

Вѣдь вся исторія Туркестана, отъ древнихъ временъ, написана кровью...

А народныя пѣсни, легенды и сказки о подвигахъ ея «героевъ»—Тамерлана, Чингисъ-Хана, Камбиза и другихъ, только и говорятъ о крови и объ отрубленныхъ головахъ...

Главный палачъ востока—Желѣзный Хромецъ-Тамерланъ, сложившій башню изъ семидесяти тысячъ отрубленныхъ головъ.

И текинцы правы:

Земля покраснѣла...

Да, это край сыпучихъ песковъ и отрубленныхъ головъ...

Счастливы мы, дѣти двадцатаго вѣка!

Но еще счастливѣе будутъ наши потомки!

Кровь проливать не будутъ!

Землѣ за нихъ краснѣть не придется....

I.

Отъ Москвы до Асхабада.

Если правда то, что «всѣ дороги ведутъ въ Римъ», то невольно позавидуешь «вѣчному городу».

Такое чувство зависти должно быть особенно интенсивно у обитателей Закаспійскаго края, ибо къ нимъ ведутъ лишь два пути, при чемъ оба представляютъ собой много неудобствъ и мытарствъ.

Первый путь изъ Москвы—это путь черезъ Самару-Оренбургъ-Ташкентъ. Я говорю «первый» потому, что, несмотря на шестисуточное пребываніе въ вагонѣ, онъ самый популярный.

Второй, но тѣмъ не менѣе, болѣе остроумный способъ проѣхать и попасть въ Закаспійскій край, это ѣхать черезъ Баку на Красноводскъ (моремъ) и затѣмъ дальше по Средне-Азіатской желѣзной дорогѣ—куда глаза глядятъ.

Этотъ второй путь представляетъ собой больше разнообразія и, слѣдовательно, не такъ утомителенъ и занимаетъ меньше времени, чѣмъ первый.

Я отправился изъ Москвы (по второму способу) прямо въ Асхабадъ.

Прибывъ рано утромъ въ Баку, мнѣ пришлось цѣлый день ждать парохода, отходившаго въ Красноводскъ через Каспійское море лишь въ 8 часовъ вечера.

Изъ Москвы я выѣхалъ въ лютый морозъ зимняго дня, а въ Баку очутился при великолѣпной, чисто весенней погодѣ. Въ садикѣ около вокзала даже кое-какія растенія были въ цвѣту.

Мнѣ и раньше приходилось бывать въ Баку, такъ что всѣ его достопримѣчательности какъ «Черный Городъ», Эй-Бибатъ, г-нъ Тагіевъ и проч. я уже видѣлъ.

И потому, выпивъ на вокзалѣ кофе (который, по неизслѣдованнымъ наукой причинамъ, отдавалъ немного нефтью), я поѣхалъ прямо на пристань, гдѣ, въ ожиданіи прибытія парохода, сдалъ на храненіе свои вещи.

(Позволю себѣ мимоходомъ замѣтить, что открытіе секрета тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ буфетчикъ на вокзалахъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ приготовляетъ кофе, да-

ло бы изслѣдователю-химику всемірную славу и открыло бы, навѣрное, новое, если не питательное, то во всякомъ случаѣ неизвѣстное до сихъ поръ вещество).

Располагая свободнымъ временемъ, я пошелъ немного побродить по улицамъ Баку.

Погода, какъ я сказалъ, была чудесная, теплая. Солнце, небо и даже сами бакинцы и бакинки — въ изобиліи снующіе по улицамъ — сіяли. Солнце и небо сіяли, конечно, per amore, но бакинцы — едва ли спроста. Вѣроятно, какія-нибудь нефтяныя или другія «бумаги» поднялись, ибо другихъ причинъ для сіянія у бакинцевъ быть не можетъ.

Странный городъ Баку! Сколько разъ я тамъ ни былъ, но впечатлѣніе всегда получалось одинаковое: будто городъ существуетъ временно и люди въ немъ, какъ будто, временно пришлые, стремящіеся сорвать болѣе или менѣе солидный кушъ и удрать.... Да оно, пожалуй, такъ и есть! Городъ грязный, нечистоплотный, несмотря на кажущуюся роскошь и красивость нѣкоторыхъ улицъ и зданій. Онъ напоминаетъ извѣстнаго рода «дамъ», скрывающихъ подъ роскошнымъ платьемъ отъ Ворта, грязныя лохмотья бѣлья. Рядомъ съ безумнымъ швыряніемъ (для чего въ Баку существуетъ нѣсколько кафе-шантановъ) легко нажи-

тыхъ денегъ, рабочіе въ «Черномъ Городѣ» и другихъ нефтяныхъ промыслахъ, влачатъ жалкое и, порой, голодное существованіе. Но таковъ удѣлъ всѣхъ городовъ съ большой промышленной жизнью. Колоссальныя нефтяныя богатства бакинскаго района, конечно, и создаютъ тѣ суровые мѣстные законы жизни, въ силу которыхъ физіономіи у иныхъ сіяютъ, а у другихъ тускнѣютъ.....

Историческихъ памятниковъ въ Баку, разумѣется, нѣтъ. «Исторій» бываетъ масса (какъ, напримѣръ, укажу на исторію г. Тагіева), но, онѣ скоро забываются и слѣдовъ не оставляютъ, развѣ только въ видѣ полицейскихъ или судебныхъ протоколовъ.

Но, все-таки, одинъ-то «историческій» памятникъ имѣется въ Баку, хотя и не мѣстный, а иностранный. Я говорю о яхтѣ персидскаго шаха «Персеполисъ». Съ этой яхтой, дѣйствительно была «исторія». Когда въ Персіи началось броженіе среди младоперсовъ, и эксъ-шахъ Магометъ-Али почувствовалъ начало конца, то въ одинъ прекрасный день, или вѣрнѣе, ночь, изъ Энзели отправили потихоньку въ Россію гордость персидскаго флота — «Персеполисъ». Судно это служитъ единственнымъ представителемъ персидскаго морского могущества, и является единовременно дѣдушкой

и внукомъ персидскаго флота. Внутри оно отдѣлано роскошно. Что же касается его вооруженія, то оно состоитъ изъ двухъ сигнальныхъ пушекъ крошечнаго калибра, а мореходныя его качества таковы, что въ Баку его привели на буксирѣ. Тамошніе моряки разсказывали мнѣ, что судно это недавно должно было продаваться за какіе-то долги...... Sic transit, вообще, gloria mundi и въ частности «gloria» Персіи.

Въ пять часовъ вечера, наконецъ, пришелъ давно жданный мною пароходъ, и я немедля перебрался на него со своимъ скарбомъ и занялъ довольно сносную каюту I класса.

Пароходство на Каспійскомъ морѣ забрало въ свои руки Общество «Кавказъ и Меркурій», которое и является въ этомъ отношеніи царемъ и богомъ.

Существуетъ здѣсь, правда, еще и другое общество — «Восточное»; но у послѣдняго почти вся дѣятельность сосредоточивается на грузовомъ движеніи и, въ силу этого, пассажирскіе рейсы монополизируются всецѣло первымъ обществомъ. Такимъ образомъ, публика, волей-неволей, попадаетъ въ цѣпкія лапы «Кавказа и Меркурія», для котораго пассажиры являются лишь живымъ грузомъ и съ которымъ оно очень мало церемонится. За минимальныя удобства, об-

щество взимаетъ максимальный, даже чудовищный, тарифъ. И у меня невольно возбудилось воспоминаніе о дняхъ дѣтства, когда я захлебывался отъ восторга, читая повѣсти Майнъ-Рида и Купера о подвигахъ морскихъ разбойниковъ и пиратовъ. Такъ, что о-во «Кавказъ и Меркурій» является, въ нѣкоторомъ родѣ, осколкомъ исчезнувшей средневѣковой романтики.....

Названіе парохода, на которомъ я собирался переплыть Каспійское море, также отдавало поэзіей. Имя его было — «Дуэль». Причина такого названія не лишена курьеза.

Жилъ-былъ въ Баку нѣкій нефтепромышленникъ Доуель (Dowel), кажется англичанинъ. Когда въ одинъ прекрасный день мистеръ Доуель прогорѣлъ, о-во «Кавказъ и Меркурій» купило у него грузовой пароходъ и, передѣлавъ его въ пассажирскій, назвало «Дуэлью», должно быть желая почтить этимъ память прежняго владѣльца.

У общества имѣются очень приличные пароходы («Скобелевъ», «Куропаткинъ» и др.), но я-то попалъ на «Дуэль», самый плохой изъ всѣхъ. Тѣмъ не менѣе, общество взимаетъ за перевозъ пассажира I класса изъ Баку до Красноводска, безъ продовольствія—15 цѣлковыхъ! Это за 14-ти часовой

переѣздъ! Между тѣмъ, тотъ же «Кавказъ и Меркурій» на Волгѣ или Черномъ морѣ, за точно такую же сумму таскаетъ васъ трое сутокъ, да еще на пароходахъ съ современнымъ комфортомъ.

Пароходъ же «Дуэль» представлялъ собой послѣднее слово техники... 17-го столѣтія!

Когда, позднѣе, въ Кокандѣ, я встрѣтился съ моимъ старымъ знакомымъ А. А. Спиро (нынѣ инспекторъ о-ва «Кавказъ и Меркурій» въ средней Азіи), то, конечно, высказалъ ему все то, о чемъ дѣлюсь теперь съ вами. На это онъ, улыбаясь, отвѣтилъ, что у общества на Каспіи монополія... Передъ такимъ аргументомъ всякія претензіи нѣмѣютъ...

Въ восемь часовъ вечера «Дуэль» снялась съ якоря и вышла въ море. Съ палубы парохода невольно залюбуешься видомъ на Баку. Масса огней создаетъ почти феерическую картину и точно потверждаетъ сходство Баку съ ночной красавицей, больше заботящейся о нарядахъ, чѣмъ о чистоплотности. Скоро городъ скрылся изъ виду, и я сошелъ въ столовую дабы поужинать, заранѣе рѣшивъ, что въ этой странѣ икры и рыбы извѣдаю всласть того и другого. Но увы...

Ни рыбы, ни икры на пароходѣ не оказалось...

Объяснили мнѣ это очень просто тѣмъ, что фирма Ліанозова, арендующая всѣ рыболовные промыслы на Каспійскомъ морѣ, уже за мѣсяцъ впередъ продаетъ и всю икру и весь уловъ рыбы въ Москву, Петербургъ, а преимущественно за границу.

Злобствуя на почтенныхъ гг. Ліанозовыхъ, я ѣлъ на Каспійскомъ морѣ «вѣнскій шницель», въ то время когда какой-нибудь вѣнецъ уничтожалъ ту порцію икры, на которую я возлагалъ свои упованія. И съ душой, полной обманутыхъ надеждъ, я пошелъ спать въ свою каюту, гдѣ и проснулся утромъ, услышавъ въ корридорѣ разговоръ о томъ, что Красноводскъ уже на виду.

И, дѣйствительно, одѣвшись и выйдя на палубу, я въ блескѣ утренняго солнца увидѣлъ на разстояніи 6—8 верстъ отъ парохода восточный берегъ Каспійскаго моря, и на немъ маленькій, уѣздный городокъ Закаспійской области—Красноводскъ. Пароходъ уже шелъ по Красноводскому заливу, защищенному самой природой отъ морской волны. По обѣимъ сторонамъ залива тянулись отмели съ расположенными на нихъ рыбачьими поселками, а кругомъ, по водѣ и по воздуху, рѣяли въ неимовѣрномъ количествѣ какія-то черныя птицы. Я сначала принялъ ихъ за черныхъ чаекъ, но оказа-

лось, что это родъ морскихъ утокъ, по мѣстному «качкалдакъ».

Онѣ съѣдобны и, говорятъ, очень вкусны.

Между тѣмъ, пароходъ подходилъ къ пристани. Виднѣлось зданіе вокзала Средне-Азіатской ж. д., съ его голубой крышей, и, черезъ нѣсколько минутъ, я сошелъ съ траппа парохода на пристань.

Матросъ вынесъ мои вещи вслѣдъ за мною и, поставивъ ихъ на пристань, ушелъ. Вдругъ, какой-то человѣкъ, невѣроятно грязный и оборванный, восточнаго типа, подскочилъ и, молча схвативъ мои чемоданы, убѣжалъ невѣдомо куда. Сначала я хотѣлъ броситься за нимъ въ погоню, но, видя, что другіе пассажиры къ аналогичнымъ инцидентамъ относятся совершенно хладнокровью, рѣшилъ, что, по всей вѣроятности, на вокзалѣ я найду и похитителя и похищенное, и по примѣру другихъ пассажировъ отправился туда пѣшкомъ, благо пристань и вокзалъ стоятъ рядомъ.

Но здѣсь меня поразило явленіе, которое я, объѣхавшій всю Россію, Сибирь, Кавказъ и Финляндію, никогда еще не наблюдалъ.

У выхода съ пристани стоялъ полицейскій чиновникъ съ нѣсколькими городовыми и спрашивалъ у всѣхъ прибывшихъ пас-

порта, точно пароходъ пришелъ изъ-за границы. По странной случайности или, можетъ быть, прочтя въ моихъ глазахъ полную благонамѣренность, блюститель порядка пропустилъ меня безъ требованія казеннаго ярлыка. На мой вопросъ о причинахъ такого удивительнаго распоряженія, онъ отвѣтилъ: «Начальство такъ велѣло».

А «начальство», встрѣченное мною на вокзалѣ, сказало, что провѣрка паспортовъ на пристани производится на томъ основаніи, что «съ Кавказа часто сюда переселяются бѣглые и высокій сбродъ, да и иностранцы могутъ незаконно проникнуть въ Закаспійскую область, пребываніе въ которой имъ не разрѣшено».

Почему бѣглые, сбродъ и иностранцы здѣсь уравнены въ правахъ — онъ мнѣ не объяснилъ...

Но, однако, похитителя моихъ вещей на вокзалѣ не оказалось, и я мысленно рѣшилъ что онъ или «бѣглый сбродъ» или иностранецъ! И только черезъ полчаса увидѣлъ я его, уныло сидящаго на моихъ чемоданахъ, около перрона. Когда я его спросилъ, почему же онъ безъ моего разрѣшенія потащилъ вещи на вокзалъ, быть можетъ, я хотѣлъ остаться въ Красноводскѣ? онъ съ сильнымъ кавказскимъ акцентомъ отвѣтилъ мнѣ:

«Что ты, душа мой! Чего тибэ тутъ дѣлать? Поишай съ Богомъ!»

Признавая вполнѣ правильность его взгляда и взявъ отъ него свои вещи, я вошелъ въ залъ буфета, гдѣ около общаго стола сидѣло нѣсколько пріѣзжихъ, а также кое-кто изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Пили утренній чай и кофе, и разговоръ вертѣлся, конечно, около чумы, недавно вспыхнувшей близъ Мерва. По правдѣ сказать, прочитавши въ газетахъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы, о появившейся въ мервскомъ районѣ эпидеміи легочной чумы, я сначала призадумался, ѣхать или не ѣхать мнѣ въ Закаспійскій край? Но, въ концѣ-концовъ, по свойственному людямъ легкомыслію, — поѣхалъ.

И потому я съ огромнымъ интересомъ прислушивался къ разговору за общимъ столомъ.

Спорили и, конечно, горячились. Одни утверждали, что въ мервскомъ уѣздѣ была настоящая чума, другіе говорили, что никакой чумы не было и передавали слѣдующую версію, очень распространенную въ Закаспійскомъ краѣ, о недавней чумѣ:

Текинцы для отравы лисицъ разбросали по степи нѣсколько лепешекъ, начиненныхъ

стрихниномъ. Какой-то легкомысленный верблюдъ поѣлъ этихъ лепешекъ и, разумѣется, околѣлъ; а кое-кто изъ бродячихъ туркменовъ, въ свою очередь, полакомились верблюдомъ и отдали Богу душу. Вотъ будто и вся чума!

Спорили и галдѣли долго и много, но сошлись единогласно въ томъ, что «карантинъ въ Мервѣ на-дняхъ будетъ снятъ» и что, во всякомъ случаѣ можно спокойно доѣхать до Асхабада.

Въ концѣ стола сидѣлъ какой-то молчаливый и угрюмый субъектъ въ папахѣ, съ бѣлымъ башлыкомъ вокругъ шеи, и пилъ кофе.

Вдругъ онъ ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ:

«Все это вздоръ, господа! Дѣло въ томъ, что, во всякомъ случаѣ, можно спокойно а потомъ тому же лицу надо было, чтобъ она исчезла. Тутъ политика, а не чума! Подавись я этимъ стаканомъ, если это не такъ!»

Съ этими словами онъ залпомъ выпилъ свой кофе.....

Съ тайной тревогой слѣдилъ я за послѣдствіемъ его поступка, но онъ спокойно всталъ и, не подавившись, ушелъ...

Очевидно, въ его словахъ была доля правды...

И, какъ мнѣ потомъ вездѣ разсказывали, была большая политика и маленькая чума...

До отхода поѣзда оставалось еще достаточно времени и, пользуясь этимъ, я пошелъ бродить по городу.

Красноводскъ — главный городъ уѣзда, и въ немъ, конечно, живетъ уѣздный начальникъ. Городъ расположенъ у самаго берега Красноводскаго залива—самаго лучшаго для стоянки судовъ по всему Каспійскому побережью.

Растительности почти никакой не имѣется и городъ бѣденъ питьевой водой.

Всю резиденцію г-на уѣзднаго начальника, имѣющую всего семь тысячъ жителей, можно обойти въ полчаса, и въ теченіе этого времени вы интереснаго ровно ничего не увидите.

Историческаго прошлаго городъ не имѣетъ, если не считать высадки отряда Столѣтова и закладки имъ укрѣпленія въ 1869 году.

Имѣются двѣ православныя церкви, шіитская мечеть и караванъ-сарай для хивинскихъ грузовъ.

Вокругъ города бродитъ по ночамъ масса

шакаловъ, зачастую исполняющихъ обязанности санитаровъ—убирая и поѣдая отбросы.

Красноводскъ, несомнѣнно, имѣетъ большую будущность, ибо транзитная торговля уже и теперь огромна. Вѣдь черезъ Красноводскъ идутъ всѣ товары, ввозимые и вывозимые изъ Закаспійскаго края.

Недалеко отъ города, на горѣ Куба-Дагъ находится, такъ называемое, «Гипсовое Ущелье», гдѣ производится ломка замѣчательнаго по своимъ качествамъ гипса трехъ сортовъ: бѣлаго, зеленаго и розоваго.

Островъ Челекенъ отстоитъ верстъ на 50 къ югу отъ Красноводска. Попасть туда можно только на туркменской лодкѣ и то въ хорошую погоду, такъ какъ заливъ въ высшей степени капризенъ и внезапно налетѣвшая буря часто причиняетъ серьезныя аваріи. На островѣ добываютъ превосходную нефть, озокеритъ и асфальтъ (кира). Развитію промышленности Челекена много препятствуетъ трудность сообщенія съ островомъ (доставка грузовъ). Туркмены за провозъ туда пассажира запрашиваютъ истинно царское вознагражденіе.

На обратномъ пути къ вокзалу, я зашелъ въ городской садъ, гдѣ какой-то красноводскій гражданинъ съ гордостью показалъ мнѣ пять чахлыхъ деревьевъ и фонтанъ, по

размѣрамъ напоминающій комнатный акваріумъ.

Правда, при отсутствіи въ городѣ воды и такой «фонтанъ» является роскошью, и въ угоду гордому красноводцу я выразилъ массу удивленія и восхищенія, при чемъ въ разговорѣ нашелъ возможнымъ упомянуть о версальскихъ фонтанахъ....

Во всякомъ случаѣ, мы разстались довольными другъ другомъ, и онъ даже проводилъ меня на вокзалъ.

Въ часъ дня, наконецъ, ушелъ на Асхабадъ поѣздъ Средне-Азіатской ж. д., и я очутился въ вагонѣ II класса.

Войдя въ него, я прямо-таки остолбѣнѣлъ: температура стояла такая, какая бываетъ лишь въ хорошо натопленной банѣ, и вдобавокъ еще мнѣ досталась «верхняя полка».

Пассажиры ругались безъ различія пола и состоянія, но кондукторъ заявилъ просто и ясно, что «во время зимняго движенія по россійскимъ желѣзнымъ дорогамъ топить полагается».

Любопытно знать, какое можетъ быть «зимнее движеніе» тамъ, гдѣ нѣтъ зимы, напримѣръ, въ Закаспійской области?

Очевидно, циркуляръ Министерства Путей

Сообщенія уравниваетъ въ климатическомъ отношеніи Сибирь и Асхабадъ.

Какъ бы то ни было, а пассажиры время отъ времени выходили на площадку вагона «отдышаться» и въ результатѣ, конечно, всѣ по очереди схватывали основательную простуду.

А ночью, лежа на своей «верхней полкѣ», мнѣ снилось, будто я умеръ (неизвѣстно отъ чумы или политики), и мое бренное тѣло сжигаютъ въ крематоріи...

Картина пути отъ Красноводска до Асхабада представляетъ собой песчаную, однообразную и мертвую пустыню.

Даже кустарникъ саксаула (Amodendron Haloxylon), является здѣсь рѣдкостью, несмотря на свои минимальныя требованія отъ природы. Хотя еще недавно тутъ были чуть ли не цѣлые лѣса его, но все вырубили на топливо, и сейчасъ (и, конечно, на долгое время), здѣсь воцарилась «мерзость запустѣнія». Смѣло можно назвать преступленіемъ подобную вырубку саксаула тамъ, гдѣ песчаная степь занимаетъ пространство въ 10.000.000 десятинъ (вплоть до Афганской границы).

Саксаулъ служитъ почти единственнымъ топливомъ по всему Туркестану. Дерево это имѣетъ удивительно уродливую форму

и напоминаетъ собою какіе-то гигантскіе корни.

Оно сѣраго цвѣта и растетъ извиваясь на пескѣ, какъ змѣя.

А поѣздъ все дальше и дальше уносилъ меня въ глубь песчанной пустыни.

Спускались сумерки, и въ окна вагона смотрѣла однообразная сѣрая равнина, безъ зелени и безъ воды. Глядя на нее дѣлалось какъ-то жутко. Чувствовалось что-то зловѣщее.

И почти до самаго Асхабада продолжался этотъ пустынный ужасъ.

И въ стонѣ вѣтра, свободно бушующаго вокругъ, чудилась мольба: Воды! Дайте воды!

Вода.

Въ этомъ словѣ для Туркестана все: и радость, и горе, и отчаяніе, и надежда.

Отсутствіе почвенныхъ водъ и атмосферныхъ осадковъ налагаетъ почти трагическій отпечатокъ на три четверти края.

И туркмены могутъ сказать: «Земля наша велика и обильна, но воды въ ней нѣтъ».

И если въ Европейской Россіи крестьяне стонутъ «земли, земли, дайте намъ земли», то туркмены въ свою очередь жаждутъ только одного—воды....

Для иллюстраціи безводья достаточно ска-

зать, что отъ Красноводска до Асхабада (520 верстъ) вода для всѣхъ надобностей (питья, мытья и для паровозовъ) развозится по линіи желѣзной дороги въ огромныхъ деревянныхъ краснаго цвѣта бакахъ на подвижныхъ платформахъ. При этомъ она ужаснаго вкуса и желтоватаго цвѣта.

Работъ по ирригаціи (искусственному орошенію) отъ Красноводска до Асхабада почти совершенно не производится, да и почва здѣсь, какъ я уже упомянулъ выше, безнадежна. Но и дальше Асхабада, тамъ, гдѣ почва не оставляетъ желать ничего лучшаго, работы эти находятся въ зачаточномъ состояніи, отчасти по отсутствію матеріальныхъ средствъ, отчасти по инертности населенія и свойственному мусульманамъ фаталистическому міросозерцанію.

Одинъ старый текинецъ разсказывалъ мнѣ слѣдующія подробности о созданіи Аллахомъ Туркестана:

Премудрый Аллахъ первоначально сотворилъ землю и все живое на ней очень удачно и справедливо. Планомѣрность была полная, и земли и воды было всюду вдоволь. Все живущее имѣло все, что нужно. Но, заботясь преимущественно о добрѣ, Аллахъ забылъ о зломъ началѣ. И вскорѣ передъ очами всемогущаго предсталъ злой

Шайтанъ и заявилъ, что у него нѣтъ постояннаго мѣстожительства и просилъ Аллаха отвести ему таковое. Создатель подумалъ, и указалъ Дьяволу на нѣдра земли, какъ болѣе или менѣе удобное для него обиталище. Къ несчастью для туркменъ, подземный пріютъ Шайтана пришелся, какъ разъ, подъ Туркестаномъ.

Въ довершеніе всего, Шайтанъ не сидѣлъ у себя покойно и сталъ частенько выходить изъ отведеннаго ему жилища и смущать правовѣрныхъ. Тогда Аллахъ присудилъ его, такъ сказать, къ одиночному заключенію на 3000 лѣтъ, и заперъ со всѣми злыми духами въ его подземномъ царствѣ, а ключи отъ этой гигантской темницы вручилъ ангелу.

Дьяволъ употребляетъ неимовѣрныя усилія, чтобы вырваться изъ этой темницы, отчего въ Туркестанѣ и происходятъ часто землетрясенія, а отъ его, вызваннаго этими усиліями, тяжелаго, огненнаго дыханія, высохла въ Туркестанѣ вся вода....

Такова текинская легенда!

Правдивыя объясненія и изслѣдованія гг. ученыхъ геологовъ, конечно, стоятъ за иныя причины туркестанскаго безводья; но, съ наивной текинской сказкой ихъ научныя работы имѣютъ одно общее:

Они дѣлу не помогаютъ!

Пока въ Туркестанѣ не появятся люди «американской складки» съ капиталами и энергіей, да не начнутъ приводить въ порядокъ ихъ ирригаціонную систему, Шайтанъ еще не мало посмѣется, а туркменъ не мало поплачетъ.

Размышляя обо всемъ этомъ, я замѣтилъ, что температура въ вагонѣ-банѣ (если существуютъ вагонъ-салоны, вагонъ-ли, вагонъ-рестораны, то почему бы не быть вагонъ-банямъ?), становилась все болѣе и болѣе невыносимой, и я рѣшилъ передъ сномъ оправиться въ вагонъ-столовую, во-первыхъ,—чтобы поужинать, а, главное, въ надеждѣ найти болѣе подходящую атмосферу для человѣческаго организма.

Вагонъ-столовая на Средне-Азіатской ж. д., конечно, не имѣетъ ничего общаго съ роскошнымъ вагонъ-ресторапомъ международнаго общества европейскихъ поѣздовъ.

Здѣсь это просто товарный вагонъ, выкрашенный внутри масляниой краской и, вообще, передѣланный въ классный вагонъ изъ багажнаго. Вдоль стѣнокъ расположены столики, а на потолкѣ висятъ двѣ керосиновыя лампы, вотъ и все.

Но, и на томъ спасибо!

Въ столовой никого не было, но когда

я взялся за колокольчикъ, стоявшій передо мною на столикѣ, явился человѣкъ, при взглядѣ на котораго я невольно пожалѣлъ, что не захватилъ съ собою револьвера.

Это былъ какой-то кавказецъ, гигантскаго роста и невѣроятно свирѣпаго вида.

Но, на дѣлѣ, онъ оказался очень милымъ и услужливымъ, и сразу предложилъ мнѣ покушать чахломъ-били (кавказское блюдо, приготовляемое изъ курицы и зелени). Боясь оскорбить его національное чувство и косясь на кинжалъ, висѣвшій у него на поясѣ, я поспѣшно согласился на все и, немного погодя, уже отдавалъ дань выбору кавказскаго націоналиста.

Обѣденный столъ украшали вазы съ огромными, красными, «вѣрненскими» яблоками. Яблоки эти (изъ города Вѣрнаго), очень популярны во всемъ Туркестанѣ и, дѣйствительно, весьма недурны...

Зато, яблоки и груши мѣстныхъ садовъ, прямо-таки, ужасны. По твердости и вкусу они мало чѣмъ отличаются отъ сырого картофеля. (Исключеніе составляетъ одинъ Ташкентъ).

Только что я окончилъ свою трапезу, какъ услышалъ возгласъ кондуктора: — «Геокъ-Тепе!»

Удивительная иронія исторіи!

Тамъ, гдѣ 12 января 1881 года (еще такъ недавно) гремѣли орудія, гдѣ текинцы съ возгласами «Аллахъ, Аллахъ», а русскіе съ криками «ура» кромсали и убивали другъ друга, сегодня подслѣповатый кондукторъ (изъ крестьянъ Костромской губ.) равнодушно провозглашаетъ — «Геокъ-Тепе!»

Я глубоко пожалѣлъ, что поѣздъ остановился въ Геокъ-Тепе ночью, да и то не на долго. Но, тѣмъ не менѣе, я, конечно, вышелъ изъ вагона и осмотрѣлъ все, что могъ.

Знаменитая крѣпость, которую текинцы такъ героически защищали, расположена немного ниже Геокъ-Тепе и называлась тогда Денгилъ-Кала.

Самъ Геокъ-Тепе представляетъ собою большой холмъ. Отъ него начинается, такъ называемый, Ахалъ-Текинскій Оазисъ, и кончается хоть на время ужасная песчаная пустыня.

Около самой желѣзно-дорожной станціи Геокъ-Тепе находится богато обставленный музей, въ которомъ хранится масса историческихъ предметовъ, рисунковъ и документовъ, относящихся къ штурму и взятію послѣдняго оплота текинскаго народа.

Немного странное впечатлѣніе производитъ снаружи само зданіе, такъ какъ оно

построено не въ русскомъ и не въ туркменскомъ стилѣ, а въ... греческомъ.

Если многое въ музеѣ свидѣтельствуетъ о выносливости русскихъ солдатъ и объ умѣлыхъ распоряженіяхъ Скобелева, Куропаткина и др., то и для побѣжденныхъ онъ представляетъ собою храмъ славы. И многіе изъ старыхъ закаспійцевъ (участниковъ взятія Геокъ-Тепе), которыхъ я потомъ встрѣчалъ въ Асхабадѣ, разсказывали мнѣ чудеса о храбрости текинцевъ, и всѣ они съ изумленіемъ отдаютъ дань достоинствамъ своихъ противниковъ.

И теперь (спустя 35 лѣтъ), въ отношеніяхъ русскихъ и текинцевъ всегда замѣтно взаимное уваженіе другъ къ другу.

Но объ этомъ мнѣ придется говорить болѣе подробно въ слѣдующей главѣ.

Пока могу сказать, что Геокъ-Тепе для текинцевъ является священнымъ, и въ ихъ сказаніяхъ и народныхъ пѣсняхъ его эпопея занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось познакомиться съ знаменитой между туркменами «Пѣснью о взятіи Геокъ-Тепе».

Пѣсня эта не только интересна въ бытовомъ значеніи текста, но и очень красива по своему напѣву. Пѣли мнѣ ее текинцы въ аулѣ Кащи близъ Асхабада. Текстъ ея

первоначально былъ записанъ покойнымъ муллою Аннакомъ (аулъ Кипчакъ), а русскій переводъ сдѣланъ А. Семеновымъ при содѣйствіи г. Ахметъ-Бека-Эфендіева (переводчика при начальникѣ Закаспійской области).

Напѣвъ же этой пѣсни, съ аккомпаниментомъ туркменскихъ музыкальныхъ инструсанъ мною.

Приведу здѣсь слова этой во всѣхъ отноніяхъ замѣчательной пѣсни:

Къ намъ пришли невѣрные стройными рядами
Изъ пушекъ, ружей яростно стрѣляя.
Ужъ двадцать лѣтъ, какъ это было.
Здѣсь и тамъ сломила сила силу.
И Богъ, защита наша, увы! оставилъ насъ.
И рѣкой пролилась наша кровь.
Враговъ увидя, улетѣла сила духа:
И конемъ осѣдланнымъ сраженный
Въ прахѣ палъ Боецъ-Баранъ [1])
Огнемъ спалили крѣпость нашу,
И силы, храбрости не стало у мужей.
Съ народомъ вмѣстѣ уничтожена мечеть,
И съ „Ходма-Сеидомъ", древнимъ витяземъ,
Въ разлукѣ вѣчной сталъ „Теке" [2])
У горъ разбросанныя кочевья,

---

[1]) Поэтическое олицетвореніе русскихъ подъ именемъ „Барана-Бойца" (КОР) встрѣчается въ другихъ памятникахъ народнаго творчества туркменъ.

[2]) Племя „Ходма-Сеидъ" считаетъ себя выходцами изъ Аравіи и потомками Аравійскаго пророка. Среди различныхъ туркменскихъ племенъ, населяющихъ Закаспійскую область, это племя составляетъ

Веселье свадебъ нашихъ,
Ковры, постели, конскія сбруи
И изъ бѣлыхъ кошмъ кибитки,
Серебро и золото нарядовъ женскихъ,
Все разбито было, все взято,
И сталъ ограбленнымъ безпомощный „Теке".
И на-вѣкъ дѣтей отъ взрослыхъ разлучили.
Подвели подкопъ „невѣрные", крѣпость пала
И, плѣна избѣгая, бѣжали мы въ пустыню,
Подъ каждымъ кустикомъ травы степной,
Оставляя трупы павшихъ,
Которыхъ было сотня тысячъ;
И лишь немного плѣнныхъ избѣжали смерти рукъ.
За ними грабить насъ спѣшили шіиты и сунниты,
Красныхъ дѣвушекъ и женщинъ похищая.
Гранаты, бомбы насъ врывали въ землю,
И руки, ноги лежали всюду по степи.
Кто сына оплакивалъ, кто дочь,
И всѣ другъ съ другомъ разлучились.
„Не упрекай меня во лжи"—пѣвецъ сказалъ;
„На холмѣ Геокъ-Тепинскомъ кровь пролитая
„Тому свидѣтелемъ, что пѣлъ я.
„Въ мірѣ жалкимъ плѣнникомъ сталъ Теке,
„И имя доброе его безславнымъ стало".

Утромъ, въ шесть часовъ, я былъ въ Асхабадѣ.

какъ бы духовную касту, и текинцы (да и прочія туркменскія племена также) никогда не вступаютъ въ кровное родство съ представителями этого племени, равно также и послѣдніе никогда не вступаютъ въ браки съ женщинами другихъ племенъ и родовъ.

II.

Асхабадъ.

Итакъ, я очутился въ Асхабадѣ.

Шутка сказать — Асхабадъ! Отъ персидской границы рукой подать...

Остановился я въ «Грандъ-Отелѣ», который считается лучшей гостиницей въ городѣ. И, по справедливости надо сказать, что эта гостиница, даже въ Москвѣ, имѣла бы свой «raison d'être».

Чисто, уютно и не слишкомъ дорого. Зато питаніе оставляетъ желать многаго, и обѣды не всегда съѣдобны.

Кромѣ того, мой временный пріютъ въ Асхабадѣ имѣлъ одинъ недостатокъ, общій всѣмъ гостиницамъ Туркестана.

Дѣло въ томъ, что зима (пріѣхалъ я на Рождествѣ) здѣсь очень мягка и напоминаетъ хорошую осень въ европейской Россіи. Но ночи холодныя, и въ гостиницѣ печей

почти не топятъ. Кромѣ того, постройки сооружаются принимая во вниманіе частыя землетрясенія; иначе говоря, всѣ дома строятся налегкѣ (обязательно одноэтажные), такъ что холодный ночной вѣтеръ (степной или горный) благодаря щелямъ, свободно разгуливаетъ по комнатамъ, и поэтому совѣтую всѣмъ, ѣдущимъ въ Туркестанъ зимою, запастись парою теплыхъ одѣялъ.

Въ Асхабадѣ я прожилъ около двухъ недѣль (отъ Рождества до половины января) и за это время, конечно, болѣе или менѣе основательно съ нимъ ознакомился. Прежде всего, спѣшу замѣтить, что старая, настоящая текинская столица — Асхабадъ, лежитъ въ пятнадцати верстахъ отъ нынѣшняго, русскаго Асхабада, и представляетъ собою въ настоящее время самый заурядный текинскій аулъ. Городъ же Асхабадъ, центръ Закаспійской области и резиденція начальника края, основанъ русскими въ 1882 году. Въ немъ находятся всѣ отдѣлы областного управленія, какъ то: управленіе Средне-Азіатской желѣзной дороги, окружной судъ, отдѣленіе Государственнаго банка, таможня, казначейство, акцизное управленіе и т. п. Имѣется женская гимназія, мужская прогимназія, желѣзно-дорожное техническое

училище, Куропаткинская школа садоводства, воскресныя школы, дѣтскій пріютъ, церковно-приходская школа и баханнское училище бабистовъ. Существуетъ закаспійское общество любителей охоты, общество врачей и музыкальное общество. Наконецъ, въ городѣ имѣется пять православныхъ церквей, лютеранскій молитвенный домъ, двѣ мечети и синагога.

Издается газета «Асхабадъ». Другая (старѣйшая газета края «Закаспійское Обозрѣніе») недавно закрылась.

На меня Асхабадъ произвелъ сначала странное и, долженъ признаться, неожиданное впечатлѣніе.

Здѣсь, въ Средней Азіи, въ городѣ, такъ близко отстоящемъ отъ Персіи, я уже ожидалъ встрѣтить яркій и сказочный востокъ.

Ничего или очень мало подобнаго представляетъ собой Асхабадъ въ этомъ отношеніи. Конечно, объясняется это тѣмъ, что городъ, въ сущности, является лишь огромнымъ русскимъ поселкомъ.

Только богатая растительность и караваны верблюдовъ, встрѣчающіеся на улицахъ, да текинцы верхомъ на осликахъ или лошадяхъ, заставляютъ васъ помнить, что вы находитесь не въ Рязани или Калугѣ. А грандіозныя горныя вершины, окружающія

Асхабадъ, то утопающія въ туманѣ, то сверкающія въ лучахъ солнца, даютъ вамъ возможность забыть о благословенныхъ русскихъ губернскихъ городахъ. Но воспоминаніе о Рязани и Калугѣ окончательно исчезло, когда въ первый день Рождества я вышелъ погулять на залитыя солнцемъ улицы, въ лѣтнемъ пальто...

Но при этомъ долженъ сказать, что я, не мало пошатавшійся по бѣлу-свѣту, еще не встрѣчалъ мѣста въ климатическомъ отношеніи болѣе капризнаго, чѣмъ Асхабадъ.

И если благословенную Рязань и Калугу можно сравнить со старымъ, уравновѣшеннымъ мужемъ-чиновникомъ (хотя и геморроидальнымъ), то Асхабадъ похожъ на молодого любовника-вѣтрогона, который измѣняетъ вамъ каждый день.

Лѣтомъ здѣсь стоитъ такая жара, отъ которой, по выраженію моего асхабадскаго знакомаго, «мозгъ сохнетъ и глаза лопаются», а зимою, съ горъ часто налетаетъ снѣжная буря совершенно нежданно-негаданно.

Такъ, напримѣръ, утромъ въ семь часовъ, въ день Крещенія (6-го января), я, при чисто лѣтней погодѣ, пилъ кофе у открытаго окна, а черезъ пять часовъ (въ полдень), я смотрѣлъ на Скобелевской площади

крещенскій парадъ—и вся площадь, публика и солдаты были покрыты снѣгомъ...

На слѣдующее утро, опять настало лѣто.

Слово «Асхабадъ» — персидское, и въ русскомъ переводѣ означаетъ «пріятное мѣсто». Однако, думаю, что увлекающійся сынъ знойнаго Ирана не безъ пристрастія далъ городу такое названіе.

Судите сами!

Измѣнчивый климатъ располагаетъ, конечно, къ всевозможнымъ простуднымъ болѣзнямъ. Недостатокъ воды не позволяетъ производить поливку улицъ и специфическая ѣдкая пыль создаетъ массу глазныхъ болѣзней (преимущественно трахому). Эпидеміи тифа, скарлатины, оспы и кори почти всегда чувствуютъ себя въ Асхабадѣ какъ дома. Солнечный ударъ лѣтомъ такое же обычное явленіе, какъ насморкъ въ европейской Россіи, а болотная лихорадка (малярія) имѣетъ здѣсь свою штабъ-квартиру.

Затѣмъ, Асхабадъ является однимъ изъ разсадниковъ ужасной и характерной для Закаспійской области болѣзни.

Я говорю о «пендинной язвѣ» по мѣстному — «паша-хурда». Она впервые была обнаружена въ Пендинскомъ приставствѣ и отсюда получила названіе «пендинки». Язва эта накожная, и ее бываетъ отъ одной до

ста на различныхъ частяхъ тѣла. Она причиняетъ сильныя боли, и по выздоровленіи оставляетъ ужасные рубцы.

Болѣзнь эта поражаетъ кого угодно безъ различія возраста, пола и состоянія.

Истинная причина заболѣваемости пендинкой еще не найдена, и радикальнаго лѣкарства также не открыто.

Длится болѣзнь отъ 4 мѣсяцевъ до 1 года и, такъ же внезапно, какъ приходитъ, такъ неожиданно и исчезаетъ.

Прямо жалко иной разъ видѣть молодую, миловидную дѣвушку, лицо которой изуродовано пендинными рубцами.

И это называется «пріятное мѣсто!!!»

Если переименованъ Дерптъ въ Юрьевъ, Маргеланъ въ Скобелевъ, слѣдовало бы переименованъ и Асхабадъ, ну хотя бы въ—Смертоношу (вѣдь есть же—Золотоноша).

Единственнымъ воспоминаніемъ о владычествѣ текинцевъ въ Асхабадѣ остались, посрединѣ города, развалины вала бывшаго текинскаго укрѣпленія. Но все это тонетъ въ общемъ рязанскомъ колоритѣ.

Тѣмъ не менѣе, въ Туркестанѣ Асхабадъ величаютъ, и не безъ основанія, «Закаспійскимъ Парижемъ», и мѣстные аборигены съ

понятной гордостью повторяютъ это названіе.

И долженъ сказать: веселятся въ Асхабадѣ во всю!

Для этого имѣется здѣсь три клуба: военное собраніе, клубъ велосипедистовъ и общественное собраніе. Кромѣ того, есть циркъ съ театральной сценой, а рестораны всѣ до единаго носятъ чисто кафе-шантанный характеръ. Прибавлю еще, что почти всѣ гостиницы въ городѣ, кромѣ развѣ «Грандъ-Отеля», имѣютъ характеръ пріютовъ временной любви...

Вполнѣ фешенебельнымъ мѣстомъ, гдѣ собирается высшее асхабадское общество, является военное собраніе.

Не надо забывать, что въ Асхабадѣ сосредоточено огромное количество войска, съ массой прикомандированныхъ сюда офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, до гвардейскихъ полковъ включительно. Прекрасные туалеты дамъ и блестящіе мундиры гвардейскихъ офицеровъ на вечерахъ и въ военномъ собраніи, легко переносятъ васъ, хотя на время, къ берегамъ Невы, а въ мою бытность въ Асхабадѣ, въ велосипедномъ клубѣ функціонировала даже русская оперная труппа. Чего же еще надо?

Населенiе въ Асхабадѣ по нацiональностямъ чрезвычайно пестро.

Въ процентномъ отношенiи русскiе составляютъ 35%, персы 32% и армяне 19%. Кромѣ того, много грековъ, кавказцевъ, молоканъ; послѣднiе всѣ до одного извозчики. Сами текинцы въ городѣ почти совсѣмъ не живутъ, а населяютъ окрестные аулы. По утрамъ, на своихъ осликахъ, они привозятъ въ городъ зелень, молоко и уже къ полудню возвращаются обратно въ свои аулы. Иностранцевъ почти нѣтъ, такъ какъ имъ не разрѣшено пребыванiе въ Туркестанѣ.....

Зато нашла здѣсь покровительство и прiютъ мусульманская секта бабистовъ, и въ русскомъ Асхабадѣ бабисты, несомнѣнно, являются самымъ интереснымъ элементомъ населенiя.

Въ отношенiи работы человѣческой мысли, скованной мертвой буквой ислама, особенное вниманiе заслуживаютъ послѣдователи мусульманской секты бабистовъ.

Основателемъ и учредителемъ этой секты былъ персъ изъ Шираза—Мухамедъ-Али. Въ серединѣ прошлаго столѣтiя онъ возбудилъ въ Персiи всеобщее вниманiе своимъ благочестiемъ и нравственной чистотой своей жизни.

Онъ отыскалъ новый смыслъ въ словахъ Корана и въ старыхъ арабскихъ религіозныхъ преданіяхъ.

Въ концѣ-концовъ, онъ создалъ новое религіозное ученіе ислама и назвалъ себя «Баби» т.-е. ворота, такъ какъ, по его убѣжденію, онъ своимъ ученіемъ открывалъ новый путь къ познанію Бога и Правды.

Мухамедъ-Али — это въ нѣкоторомъ родѣ мусульманскій Лютеръ, а его послѣдователи—протестанты, почти порвавшіе связь съ шаріатомъ.

Главныя догмы его ученія заключаются въ слѣдующемъ:

Богъ—единый, вѣчный источникъ жизни.

Такъ какъ Богъ есть добро, то его творенія могутъ быть только добрыми.

Зло есть нѣчто временное, преходящее и всегда поддающееся исправленію.

Государство, по теоріи Мухамедъ-Али, должно въ принципѣ быть соціалъ-демократическимъ съ теократическимъ управленіемъ.

Онъ совершенно отрицаетъ налоги, и бюджетъ его государства составляется всецѣло изъ добровольныхъ пожертвованій.

Всѣ люди избавляются отъ исполненія обрядовъ, такъ связывающихъ мусульманъ, и даже обязательный пятикратный намазъ

(моленіе), установленный Кораномъ—отмѣняется.

Женщина свободна и ея чадра упраздняется.

Бабисты обѣщаютъ своимъ послѣдователямъ воскресеніе изъ мертвыхъ, путемъ переселенія душъ.

При всемъ этомъ царитъ полная терпимость къ чужимъ религіямъ, и всякому бабисту предоставляется изучать все, что только онъ считаетъ согласнымъ съ закономъ нравственности.

И часто можно видѣть въ рукахъ бабиста книгу, съ наилучшимъ переводомъ Виктора Гюго, Тургенева и другихъ европейскихъ писателей.

Персидское правительство сначала терпѣло эту секту. Но скоро въ черной и невѣжественной массѣ народа, да и у представителей шіитской церкви, возникъ протестъ противъ новаго вѣянія.

У мусульманскихъ священниковъ это было, конечно, «jalousie de metier».

Въ концѣ-концовъ, персидское правительство предприняло противъ бабистовъ репресаліи, что и повело къ волненіямъ.

Въ 1849 году Мухамедъ-Али былъ разстрѣлянъ, а среди его послѣдователей персидскія власти учинили жестокое кровопро-

литіе. Тогда большая часть бабистовъ бѣжала изъ Персіи въ Россію, гдѣ къ нимъ относятся, по крайней мѣрѣ, равнодушно.

Несомнѣнно одно, что мусульманскому міру придется еще считаться съ этимъ ученіемъ и, весьма возможно, что въ ветхое тѣло ислама только бабизмъ способенъ влить новые, жизненные соки; а если Персія съ ея наукой и поэзіей способна еще къ возрожденію, то это чудо совершатъ бабисты.

Школа ихъ въ Асхабадѣ находится почти въ центрѣ города. Я былъ прямо пораженъ любезностью начальника этой школы—Ахмета-Верди, когда безо всякой рекомендаціи явился къ нему, просто въ качествѣ любознательнаго иностранца.

Ахметъ-Верди говорилъ со мною на очень плохомъ русскомъ языкѣ, но обнаружилъ довольно основательныя познанія во французскомъ и англійскомъ. Что касается его наружности, то рѣдко я видѣлъ такого красиваго, величественнаго старца (лѣтъ 70).

Высокій, съ длинными волосами и бородой, почти совершенно бѣлаго цвѣта, онъ въ моемъ воображеніи воскресилъ образъ древняго пророка. При этомъ пара черныхъ и добродушно смѣющихся глазъ сіяла молодостью.

Онъ прежде всего угостилъ меня кофе съ превосходнымъ виномъ (бабистами вино не запрещается).

Бесѣдовали мы съ нимъ рѣшительно обо всемъ — о разныхъ религіяхъ, о политикѣ, объ искусствѣ востока и вездѣ у него сквозила черта полной незлобивости и любви ко всему живущему.

Только тогда, когда разговоръ слегка коснулся эксъ-шаха персидскаго, Мухамедъ-Али, въ глазахъ старца что-то блеснуло, но сейчасъ же онъ успокоился и съ улыбкой замѣтилъ: — Не стоитъ говорить о такихъ людяхъ.

Когда, прощаясь съ нимъ, я выразилъ мое глубокое сочувствіе бабизму, онъ, горячо пожавъ мою руку, сказалъ: «Всѣ бабисты хорошіе люди и всѣ хорошіе люди бабисты».

Послѣ секты и школы бабистовъ, самое интересное, что найдется въ Асхабадѣ, это — областная случная конюшня.

При содѣйствіи любезнѣйшаго изъ асхабадцевъ, полковника Ф. Е. Еремѣева, я имѣлъ возможность осмотрѣть эту конюшню, при чемъ завѣдующій ею штабъ-ротмистръ г. Мазанъ сопровождалъ меня лично и давалъ подробныя объясненія.

Да будетъ мнѣ здѣсь дозволено сказать

нѣсколько словъ о красѣ и гордости лошадинаго міра, о текинской лошади.

Существуетъ двѣ породы мѣстныхъ лошедей — ахальская и іомудская. Ахальская, или ахалъ-текинская лошадь, встрѣчается теперь, какъ рѣдкость. И это вполнѣ понятно.

Во времена прежнихъ «аламановъ» (разбойничьихъ набѣговъ), часто совершаемыхъ въ Персію, текинцы нуждались въ прекрасныхъ и, во всѣхъ отношеніяхъ, идеальныхъ лошадяхъ. Теперь же, сдѣлавшись мирными скотоводами и земледѣльцами, они совсѣмъ не занимаются коневодствомъ и, въ результатѣ, ахальская порода почти исчезла.

Обѣ породы туркменскихъ лошадей происходятъ отъ арабскаго коня. Приближаясь по экстерьеру къ послѣднему, іомудская лошадь отличается отъ нея: бòльшимъ ростомъ и мясистостью и меньшей сухостью, грива и хвостъ довольно густы. Ахальская же лошадь очень схожа по экстерьеру съ англійской чистокровной скаковой, и гривы почти не имѣетъ.

Я не «лошадникъ», и отношусь довольно равнодушно къ лошадямъ; но долженъ сознаться, что я никогда не видалъ и даже не перднолагалъ о возможности существо-

ванія лошадей такой красоты, какой увидѣлъ въ асхабадской конюшнѣ.

Что ни лошадь — то поэма...

Конюшня имѣетъ около 60 денниковъ и содержится великолѣпно, несмотря на то, что субсидіи отъ правительства не имѣетъ. Цѣль этой конюшни заключается въ томъ, чтобы путемъ скрещиванія породъ спасти текинскую лошадь отъ вымиранія.

Можно было бы, конечно, устроить подобный заводъ и въ европейской Россіи, но текинская лошадь имѣетъ одинъ недостатокъ: — кромѣ туркестанскаго, другого климата она не переноситъ, и по выводѣ ея въ Россію скоро погибаетъ.

Во всякомъ случаѣ жаль, что вымираетъ порода лошадей, дѣлавшая, по персидскимъ разсказамъ, во время «аламановъ» 150 верстъ галопомъ, безъ отдыха....

III.

Въ гостяхъ у текинцевъ.

Въ Асхабадѣ я возымѣлъ привычку рано вставать, и сидя у окна, да попивая свой кофе, любилъ наблюдать за текинцами, которые, верхомъ на осликахъ, привозили въ городъ изъ своихъ ауловъ молоко и зелень.

Времена мѣняются!

Странно видѣть текинца, бывшаго «аламана» (разбойника), «степного орла», сидящаго не на гордомъ конѣ, а на смирномъ осликѣ, и везущаго не военную добычу, плоды побѣдъ, а просто лукъ и морковь— плоды мирнаго труда. И приходится констатировать, что тюркмены, вообще, теперь утратили свои характерные признаки свободнаго кочевника.

Народъ этотъ постепенно переходитъ къ осѣдлой жизни, и дѣлается уже осѣдлымъ скотоводомъ и земледѣльцемъ.

Туркмены населяютъ степи Бухары, Хивы, Персіи, Афганистана и русскаго Туркестана, при чемъ общая ихъ численность достигаетъ 500.000 человѣкъ.

Дѣлятся они на семь племенъ: іомуды, гоклены, чаудуры, салоры, ерсары, сарыки и текинцы.

Племена эти между собою почти не смѣшиваются.

Самымъ одареннымъ, сильнымъ и, я бы сказалъ, симпатичнымъ племенемъ надо признать текинцевъ.

Они занимаютъ Мервскій, Ахалскій и Атекскій оазисы Закаспійской области.

Сколько я ни видѣлъ текинцевъ—всѣ они были высокаго роста, нѣсколько сухощавы, темноволосы. Выраженіе темныхъ глазъ всегда веселое, привѣтливое и часто немного лукавое.

Въ пищѣ текинцы неприхотливы. Пловъ съ бараньимъ мясомъ лучшее и любимое блюдо. А въ обыденной жизни, текинецъ довольствуется лепешкой, да кашей изъ джугари съ кунжутнымъ масломъ.

Одѣваются текинцы почти всѣ одинаково. Разница только въ качествѣ матерій—ситца или шелка.

Носитъ онъ рубаху и шаровары, а све-

надѣваетъ халатъ (чанакъ). На головѣ, зимой и лѣтомъ, высокая баранья шапка.

Текинскія женщины, «tout comme chez nous», страстно любятъ всякія украшенія и погремушки и носятъ ручные и ножные браслеты. Поверхъ своего чернаго балахона, онѣ надѣваютъ какіе-то шарфы, и шарфы эти унизаны серебряными монетами въ огромномъ количествѣ.

Я не разъ удивлялся выносливости этихъ красавицъ, носящихъ на своихъ плечахъ подобную тяжесть; но, вѣроятно, пословица «своя ноша шеи не давитъ», находитъ откликъ и у текинцевъ.

Женщина у туркменовъ самой природой поставлена въ счастливое положеніе.

Дѣло въ томъ, что текинцы являются однимъ изъ рѣдкихъ народовъ, у которыхъ замѣчается сильный перевѣсъ мужскаго пола, надъ женскимъ. И почти 27% мужчинъ, волею судебъ, осуждены на цѣломудренную жизнь.

Вслѣдствіе этого, калымъ (выкупъ за невѣсту) достигаетъ до 1500 рублей, не считая подарковъ ея родителямъ одеждой и скотомъ. Внѣбрачное же сожительство у текинцевъ вещь неслыханная и сурово наказуется смертью или, въ лучшемъ случаѣ, изгнаніемъ виновныхъ.

Въ прежнія времена, текинецъ руководился мудрымъ изреченіемъ: «je prend mon bien, où je le trouve», и совершалъ аламаны (разбойничьи набѣги) на Персію, откуда и увозилъ дѣвушекъ и, такимъ образомъ, возстановлялъ нарушенное природой равновѣсіе. Но теперь, конечно, эти набѣги остались лишь въ народныхъ пѣсняхъ, а нынѣшній молодой текинецъ, мирно возитъ въ Асхабадъ на своемъ осликѣ лукъ и молоко, пока не накопитъ суммы, достаточной для того, чтобы внести калымъ и обзавестись собственной кибиткой.

Благодаря всему этому, положеніе текинской женщины можно назвать привилегированнымъ и она, являясь полновластной хозяйкой кибитки, пользуется у нихъ большимъ уваженіемъ.

Общественныхъ правъ она, конечно, не имѣетъ никакихъ, и въ общество постороннихъ мужчинъ не показывается; но во многихъ другихъ отношеніяхъ, она пользуется свободой, начиная хотя бы съ того, что безсмысленнаго и глупаго покрывала она не носитъ.

Хотя, говоря по правдѣ, 50% текинскихъ женщинъ, въ ихъ же собственныхъ интересахъ, не мѣшало бы закрывать чѣмъ-нибудь

свои лица, ибо такихъ некрасивыхъ физіономій рѣдко гдѣ можно встрѣтить. Насколько симпатичны, статны и, прямо-таки, красивы мужчины-текинцы, настолько ихъ женщины (большею частью) имѣютъ отталкивающій видъ. Цвѣтъ ихъ лица какой-то желтый, при чемъ длинные носы, и острыя черты создаютъ что-то птичье. Старыя текинки по своей внѣшности, даютъ правдивый типъ—образъ Гарпіи...

Многоженство у текинцевъ разрѣшается, но болѣе одной жены, много двухъ, рѣдко можно встрѣтить.

Много красивыхъ, я бы даже сказалъ, рыцарскихъ чертъ проявляется у текинца. Онъ до самозабвенія гостепріименъ, честенъ, правдивъ и болѣзненно самолюбивъ. Кромѣ того, онъ въ высшей степени гордъ. Въ его отношеніяхъ къ русскимъ нѣтъ ни тѣни униженія или подхалимства, столь свойственнаго сартамъ.

Да и между богатыми и бѣдными текинцами не замѣчается преимущества съ одной, и раболѣпства съ другой стороны.

Одинъ туземецъ сказалъ мнѣ:

«Мы теперь народъ безъ головы, и потому всякій текинецъ самъ себѣ голова».

Всѣ недоразумѣнія между членами аула вѣдаетъ народный судъ, который руковод-

ствуется каулетомъ (законъ о нравственности, издравле установленный, согласно народнымъ обычаямъ).

Народными судьями выбираются лучшіе люди, и рѣшеніе ихъ безповоротно.

Къ религіознымъ вопросамъ текинецъ относится удивительно индифферентно, и постановленія шаріата для него почти пустой звукъ. У нихъ, даже, нѣтъ оффиціальнаго духовенства; имамъ, руководящій намазомъ, во время намазовъ не является представителемъ Аллаха, онъ только завѣдуетъ обрядовой стороной моленія, и, въ случаѣ его отсутствія, можетъ быть замѣненъ любымъ изъ молящихся, знающимъ порядокъ богослуженія (молитвословія).

Чтобъ узнать текинцевъ, конечно, недостаточно наблюдать ихъ изъ окна асхабадской гостиницы, и потому я съ радостью и благодарностью принялъ предложеніе любезнаго полковника Ф. Еремѣева посѣтить текинцевъ въ ихъ аулѣ Каши, верстахъ въ десяти отъ Асхабада.

И вотъ, 3-го января 1913 года, въ три часа дня, полковникъ заѣхалъ за мной вмѣстѣ съ текинцемъ-переводчикомъ. Въ своемъ мундирѣ туркменской милиціи онъ такъ и просился на картину.

Два извозчика-молокана обѣщали доста-

вить насъ въ аулъ и обратно въ цѣлости и, заѣхавъ за одной русской дамой, г-жей М. мы отправились въ путь.

Впереди ѣхалъ полковникъ съ переводчичикомъ, а вслѣдъ за нимъ я съ нашей спутницей. Скоро мы выѣхали изъ города въ степь. Растительности кругомъ почти никакой. Все ближе и ближе придвигались къ намъ горы, окружающія Асхабадъ, а у подножія этихъ горъ и лежалъ большой аулъ Каши—цѣль нашей поѣздки.

Онъ состоялъ изъ множества довольно просторныхъ и прочно устроенныхъ куполообразныхъ юртъ или, какъ здѣсь ихъ называютъ, кибитокъ, а кругомъ всего аула тянулась невысокая глиняная стѣна.

Подъѣхавъ ближе, мы услыхали лай собакъ, и при въѣздѣ въ самый аулъ, подверглись свирѣпому нападенію штукъ 40—50 огромныхъ, невѣроятно звѣрскаго вида, псовъ. Эти большущіе, покрытые грязно-бѣлой шерстью, сторожа употребляли невѣроятныя усилія, чтобы какъ-нибудь да растерзать насъ и бѣжали рядомъ по стѣнѣ, стараясь прыгнуть въ нашъ экипажъ.

Собаки все время неистово лаяли, мы орали на нихъ, спутница наша визжала и, въ общемъ, нельзя было сказать, чтобы

нашъ въѣздъ въ аулъ носилъ торжественный характеръ.

Но вотъ появилось нѣсколько маленькихъ текинскихъ ребятъ. Къ нашему удивленію, они безъ особаго труда разогнали псовъ и, что поразительнѣе всего, собаки исчезли на все время нашего пребыванія въ аулѣ, такъ что мы ихъ больше и не видѣли.

Миновавъ нѣсколько улицъ, мы издали еще замѣтили массу людей на открытой площадкѣ и подъѣхали прямо туда.

Оказалось, что это была устроенная намъ встрѣча.

Тутъ былъ старшина аула, почетные и богатые старики—такъ сказать, сливки общества; а жители побѣднѣе, если можно такъ выразиться, простокваша—стояли въ сторонкѣ, отдѣльной группой. Кромѣ того, была масса дѣтей.

Всѣ были одѣты по праздничному.

По свойственной людямъ подлой привычкѣ втираться въ высшее общество мы, выйдя изъ экипажей, направились сначала къ группѣ «верхнихъ 10000».

Старшина привѣтствовалъ насъ рѣчью, въ которой выразилъ радость по случаю нашего пріѣзда.

Въ свою очередь, мы, черезъ переводчика,

благодарили за ласковый пріемъ (о собакахъ умолчали!).

Вслѣдъ затѣмъ, мы обратили наше благосклонное вниманіе на обыкновенныхъ текинскихъ смертныхъ и, наконецъ, подошли къ группѣ дѣтей. Но тутъ при взглядѣ на нихъ, мы сперва ужаснулись, а потомъ, невольно отвернулись: почти всѣ дѣти имѣли на лицѣ слѣды какихъ-то ужасныхъ язвъ, не то волчанки, не то проказы, а красные глаза почти у всѣхъ гноились.

Меня это крайне удивило, ибо окружающіе насъ текинцы, какъ мужчины, такъ и женщины дышали, казалось, здоровьемъ. Изъ чувства деликатности, мы ничего не разспрашивали. Впослѣдствіи, популярный асхабадскій врачъ г. Крамникъ объяснилъ мнѣ, что у текинцевъ существуетъ масса спеціально дѣтскихъ накожныхъ болѣзней, но проходящихъ безъ слѣда, и что трахома глазъ очень распространена между туземными дѣтьми и является результатомъ нечистоплотности ихъ матерей.

Послѣ того, какъ мы съ величайшимъ интересомъ осмотрѣли текинцевъ, а они насъ, мы вошли въ кибитку старшины Магометъ-Верди-Кульгерды, гдѣ, (какъ выражаются благонамѣренные люди) и «изволили имѣть пребываніе».

Кибитка была очень просторна, и хотя съ нами вмѣстѣ вошло еще человѣкъ двадцать почетныхъ текинцевъ, тѣсноты все-таки не было.

(Женщины, дѣти и «народъ» остались снаружи, на площадкѣ). Старшиной, разумѣется, былъ одинъ изъ болѣе состоятельныхъ текинцевъ, и кибитка его, какъ я уже сказалъ, была большая и богата убранная. Середину ея занималъ очагъ, вокругъ котораго весь полъ, т.-е. земля была устлана великолѣпными коврами. Вдоль стѣнъ тянулись диваны изъ большихъ шелковыхъ подушекъ, а на стѣнахъ висѣло оружіе и разная домашняя утварь.

Въ этой кибиткѣ жилъ самъ старшина, а жены его (счетомъ двѣ) и дѣти помѣщались въ другой, сосѣдней кибиткѣ, обстановка которой была много бѣднѣе.

Старшина предложилъ намъ сѣсть, но для насъ (по крайней мѣрѣ, для меня), это легче было сказать, чѣмъ исполнить. Сидѣть, по восточному, на манеръ портныхъ, для европейца очень трудно, а усѣсться на корточки, какъ сидятъ по цѣлымъ часамъ текинцы, подъ силу развѣ однимъ индійскимъ факирамъ. Я же, къ сожалѣнію, не портной не факиръ, и отъ такого сидѣнія у меня ноги нѣмѣютъ. Какъ бы то ни было,

мы всѣ усѣлись вокругъ очага на коврахъ, но, немного погодя, я спросилъ себѣ подушку и на все остальное время устроилъ себѣ ложе, на манеръ древняго римлянина, на коемъ и «возлежалъ», что было несравненно удобнѣе.

Когда все наше общество размѣстилось, сейчасъ же вышли четыре—пять человѣкъ музыкантовъ со своими инструментами и усѣлись играть. У нихъ были длинныя бамбуковыя флейты—«теудукъ», и струнные инструменты (наподобіе маленькой мандолины съ очень длиннымъ грифомъ)—«хамбра».

Ни на одну минуту они не прерывали своей игры, и, во все время нашего пребыванія въ кибиткѣ, угощали насъ музыкой. Но музыка эта нисколько не мѣшала бесѣдѣ. Она была очень тиха, какъ вообще музыка у текинцевъ и, казалось, неслась откуда-то издалека...

Лишь только мы усѣлись и музыканты заиграли, намъ подали зеленый цвѣточный чай, очень крѣпкій и ароматный. Наливали его въ маленькія чашечки. Чашечки эти въ большомъ ходу во всемъ Туркестанѣ. Онѣ безъ ручекъ и называются *піалы*. Благодаря отсутствію ручки, я все время обжигалъ себѣ руки.

Къ чаю подали очень вкусныхъ, горя-

чихъ лепешекъ. Кромѣ того, все время обносили гостей курительнымъ прибо-ромъ — *чилымъ*.

Дѣло въ томъ, что текинцы курятъ не такъ, какъ мы. Нашихъ папиросъ, трубокъ и сигаръ они не знаютъ. *Чилымъ* представляетъ собой довольно большой и громоздскій кувшинообразный приборъ (въ родѣ турецкаго кальяна), дымъ изъ котораго, втягивается курящими черезъ воду. Текинецъ, затянувшись разокъ изъ чилыма, передаетъ его сосѣду, или же отставляетъ къ сторонѣ, гдѣ подкладывается подъ него новая порція горячихъ углей.

Бесѣда, благодаря тому, что пришлось говорить черезъ переводчика, шла вяло. Мы только все время выражали свое удовольствіе, а текинцы улыбались и пожимали намъ руки, при чемъ глаза ихъ подъ черными папахами, выражали искреннюю сердечность и радость.

Въ концѣ-концовъ, въ двухъ огромныхъ мискахъ принесли пловъ изъ риса, баранины и курицы. Вокругъ одной изъ нихъ усѣлись текинцы, а около другой — мы. Пловъ былъ удивительно вкусенъ, а рисъ совершенно бѣлъ и поразительно разсыпчатъ. Я, конечно, не знаю секрета текинскихъ хозяекъ приготовленія риса, но, го-

ворятъ, что онъ довольно сложенъ. Во всякомъ случаѣ, тутъ есть чему учиться нашимъ метрдотелямъ.

Способъ ѣды, однако-же, немного портилъ нашъ аппетитъ: текинцы преспокойно вылавливали пальцами изъ общей миски куски мяса и рисъ и отправляли добытое въ ротъ. Но для насъ они достали ложекъ.

По окончаніи трапезы, я записалъ нѣсколько мотивовъ у текинскихъ музыкантовъ, и всей гурьбой мы вышли на площадку. Оттуда старшина повелъ насъ въ другую свою кибитку (женскую), гдѣ въ парадныхъ костюмахъ, всѣ обвѣшанныя серебряными украшеніями и монетами встрѣтили насъ обѣ его супруги. Каждая держала на рукахъ ребенка. Одна изъ этихъ дамъ была уже старуха, а другая совсѣмъ молодая. Но обѣ были непозволительно некрасивы. Стояли онѣ рядышкомъ, посрединѣ кибитки, и живо напомнили мнѣ автоматическія фигуры берлинскаго Паноптикума. Обѣ безсмысленно улыбались своими птичьими глазами, тихо качая на рукахъ маленькихъ текинцевъ.

Въ одной изъ слѣдующихъ кибитокъ мы увидѣли молодую и (я глазамъ своимъ не вѣрилъ!), довольно миловидную текинку, трудившуюся надъ ковромъ. Работа эта очень

нелегка и требуетъ большого терпѣнія. Недаромъ за дѣвушку, умѣющую работать ковры, платятъ самый большой выкупъ.

При нашемъ обходѣ аула, насъ сопровождали не только «сливки общества», но и вся огромная толпа, для которой мы, несомнѣнно, представляли такой же интересъ, какъ и она для насъ.

При взглядѣ на эту толпу, я подумалъ: навѣрное между ними не всѣ ѣли пловъ, и (какъ пишутъ въ поваренныхъ книгахъ) «вольный духъ» поднялся во мнѣ. Я выразилъ желаніе осмотрѣть жилище кого-нибудь изъ самыхъ бѣдныхъ текинцевъ.

Толпа зашумѣла, загалдѣла и, смѣясь, указала на одного изъ своихъ согражданъ. И всѣ мы отправились къ нему.

Войдя въ его кибитку, я былъ пріятно пораженъ.

Не было, конечно, тѣхъ богатыхъ ковровъ и шелковыхъ подушекъ, что я видѣлъ у старшины, да и домашняя утварь была много проще. Но кибитка была такая-же просторная и сдѣлана изъ того же матеріала. Около очага сидѣла его жена съ четырьмя мальчиками, и всѣ они ѣли пловъ.

А старшина, черезъ переводчика, сказалъ мнѣ: «Алмехъ-Адлахъ побогаче меня — у него четыре сына, а у меня только два».

Я мысленно перенесся на секунду туда, гдѣ иные люди коротаютъ свою жизнь, въ особнякахъ на Англійскихъ набережныхъ, а другіе, въ то же время, терпятъ холодъ и голодъ въ мусорныхъ ямахъ городскихъ окраинъ.

И въ душѣ я искренно пожелалъ, пожелаю и теперь, текинцамъ быть подальше отъ нашей хваленой цивилизаціи и условій быта передовыхъ народовъ. Если бъ я былъ философомъ, я бы сказалъ: «лучше ѣсть пловъ пальцами, чѣмъ совсѣмъ его не имѣть».

Мы еще осматривали загонъ для верблюдовъ и осликовъ и поглядѣли, какъ текинка пекла *чурекъ* (текинскій хлѣбъ изъ бѣлой муки). Конусообразная печь устроена прямо въ землѣ, широкимъ концомъ внизъ. Она, конечно, изъ глины. На днѣ ея былъ разведенъ огонь, благодаря которому стѣнки печки накаляются очень быстро. Текинка взяла кусокъ тѣста и, ловкимъ движеніемъ, я бы сказалъ, *пришлепнула* его къ стѣнкѣ, къ которой оно и пристало. Скоро тѣсто начало румяниться. А когда оно готово, то его отлѣпляютъ отъ стѣнокъ...

Но, сумерки наступили и, предвидя долгій

обратный путь, мы простились со всѣми нашими любезными хозяевами.

И тутъ я потихоньку спросилъ полковника, не дать ли мнѣ что-нибудь «бѣднѣйшему» Алмехъ-Адлаху. На это онъ замѣтилъ мнѣ: «Какъ ни добръ и сердеченъ текинецъ, но на подобное оскорбленіе онъ отвѣтитъ вамъ ударомъ ятагана».

Храни и избави тебя отъ лукаваго, славный текинскій народъ!

Сопровождаемые всей толпой и при привѣтственныхъ ея крикахъ, мы сѣли въ экипажи, и въ 10 часовъ вечера были уже «дома», въ Асхабадѣ.

IV.

Ковры, пѣсни и сказки у текинцевъ.

Одинъ благонамѣренный россіянинъ какъ-то сказалъ:

«Важнѣе всего на свѣтѣ каланча!»

А туркменъ скажетъ:

«Важнѣе всего на свѣтѣ коверъ!»

А я, какъ безпристрастный иностранецъ, думаю (или, вѣрнѣе сказать, дерзаю думать), что безъ каланчи Россія не погибла бы, тогда какъ туркменъ безъ ковра прямо не жилецъ на этомъ свѣтѣ. И въ самомъ дѣлѣ!

Туркменъ, какъ и всякій туземецъ Туркестана, родится, выростаетъ, учится, ѣстъ, спитъ и умираетъ—на коврѣ. Наши европейскіе стулья, диваны и кровати не знакомы туркмену. Все это у нихъ замѣняется коврами, на которые, иногда, кладутъ подушки.

И понятно, что съ давнихъ временъ, въ Туркестанѣ съ особенной любовью относятся къ ковровому производству, при чемъ стараются дѣлать ковры не только прочными и долговѣчными, но также изящными и красивыми.

Самые красивые, прочные и цѣнные ковры въ Туркестанѣ выдѣлываютъ текинцы или, вѣрнѣе сказать, текинки, ибо ковровое производство находится всецѣло въ рукахъ женщинъ. Текинская дѣвушка должна обязательно выучиться и знать ткацкое искусство, ибо всѣ ковры, которые она приноситъ, какъ приданое, въ кибитку своего будущаго мужа, она должна сдѣлать собственными руками.

Способъ и орудія для тканья у нея совсѣмъ примитивны, а работа очень кропотлива, и самая искусная ткачиха, въ недѣлю, больше полутора квадратныхъ аршина соткать не можетъ.

Цѣна на хорошій текинскій коверъ на мѣстѣ стоитъ довольно высокая, смотря, конечно, по размѣру ковра; но болѣе семи аршинъ коверъ выдѣлывается рѣдко.

Узоръ ковра у каждаго племени различный; текинцы употребляютъ самый древній рисунокъ, такъ называемый «салор-

ская роза» (салоръ-гюлъ). Часто на ихъ коврахъ встрѣчается изображеніе священной Каабы.

Для производства ковровъ отбирается шерсть наилучшаго качества, при чемъ нитки ворса окрашиваются. Для этого текинцы всегда употребляютъ краски изъ Персіи, Индіи и Хивы. Только желтую краску они добываютъ на мѣстѣ изъ сока растенія «сарычобъ».

Чтобы краска прочнѣе пристала, шерсть предварительно обрабатываютъ квасцами, бузгундшемъ или гранатной коркой.

Ковровый ткацкій станокъ, видѣнный мною въ аулѣ Каши, состоялъ изъ четырехъ кольевъ, вбитыхъ въ землю. Въ эти колья втыкаются двѣ палки, на которыя натягивается основа. Нитки основы, для того, чтобы онѣ не сдвигались, примазываютъ къ палкамъ разведенной глиной. Каждая ниточка ворса руками обвязывается вокругъ соотвѣтствующихъ нитокъ основы и обрѣзается маленькими ножичками. Когда пройденъ, такимъ образомъ, цѣлый рядъ, между всѣми нитями основы продѣвается нитка и притыкается желѣзнымъ гребнемъ. Какъ видите, способъ самый примитивный. А между тѣмъ, текинскіе ковры по прочности и красотѣ не уступаютъ персидскимъ, при чемъ осо-

бенно цѣнятся ковры старинной работы. Замѣчательныя ихъ коллекціи находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ и въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Изъ частныхъ коллекцій меня поразили великолѣпные экземпляры, видѣнные мною впослѣдствіе у самаркандскаго адвоката г-на Болотина.

Поговорю теперь немного о пѣсняхъ текинцевъ. Въ жизни текинцевъ, музыка и пѣніе играютъ почти такую же роль, какъ и ковры, а это кое-что значитъ.

Почти ни одно событіе общественнаго или частнаго характера не обходится у нихъ безъ музыки.

Текинецъ родится, женится и умираетъ, такъ сказать, «подъ музыку».

Дударчи (музыканты) и бахши (пѣвцы) пользуются, особенно послѣдніе, большимъ почетомъ у своихъ соотечественниковъ и наперерывъ приглашаются на свадьбы, похороны, пиры и т. п. Вслѣдствіе этого выдающіеся бахши зарабатываютъ большія деньги (по мѣстному). Я имѣлъ возможность слышать въ Асхабадѣ двухъ самыхъ выдающихся народныхъ пѣвцовъ (мѣстные Шаляпинъ и Собиновъ!).

Дѣло было такъ: асхабадскій уѣздный

начальникъ, полковникъ Федоръ Андреевичъ Михайловъ *), предложилъ мнѣ устроить въ его квартирѣ, спеціально для меня, музыкальный текинскій вечеръ, чтобы дать мнѣ возможность записать ихъ пѣсни.

По взаимному соглашенію, мы назначили для своего сеанса вечеръ 5-го января, и, пожаловавъ къ нему около 6 часовъ вечера, я засталъ тамъ уже въ сборѣ нѣсколько дамъ и мужчинъ изъ русскаго асхабадскаго общества, а также текинскихъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Пѣвцовъ было всего двое (Шаляпинъ и Собиновъ!) и музыкантовъ такое же количество.

Мы, европейцы, сѣли у стола съ великолѣпно сервированнымъ чаемъ. На этомъ же столѣ я разложилъ свою нотную бумагу для записи пѣсенъ.

Оба текинскихъ пѣвца усѣлись по-восточному, прямо на полу (на подушкахъ) другъ противъ друга. У каждаго въ рукахъ было

*) Ф. А. Михайловъ — одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей Закаспійской Области, большой знатокъ мѣстной жизни, составилъ превосходную книгу по этнографіи Края и какъ администраторъ является однимъ изъ тѣхъ, которые справедливымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ туземцамъ укрѣпляютъ русское вліяніе въ Туркестанѣ.

по струнному инструменту (всего съ двумя шелковыми струнами, благодаря чему получается нѣжный и тихій звукъ). На этихъ инструментахъ они и аккомпанировали сами себѣ исполняемымъ пѣснямъ.

А музыканты, съ длинными бамбуковыми флейтами — *теудукъ*, помѣстились въ другомъ концѣ зала, около стѣны. Во время пѣнія музыканты отдыхали, а когда пѣвцы смолкали, брались за теудуки музыканты. Такъ что получалась и вокальная и инструментальная музыка.

Одинъ изъ пѣвцовъ былъ баритонъ, а другой теноръ, лѣтъ по 30 каждый. Оба были удивительно красивы и статны въ своихъ праздничныхъ нарядахъ, т.-е. въ шелковыхъ халатахъ и маленькихъ шелковыхъ шапочкахъ. Кромѣ нихъ, присутствовало еще человѣкъ 5—6 текинцевъ, сопровождавшихъ пѣвцовъ и, надо было видѣть, съ какимъ почтеніемъ и уваженіемъ относились они къ своимъ баянамъ и ихъ пѣснямъ.

Исполняемыя пѣсни почти всѣ носили антифонный характеръ, т.-е. были куплетной формы, при чемъ пѣвцы пѣли ихъ, соблюдая очередь.

Рядомъ съ ними, на полу, стояли піялы (чайныя чашки) съ зеленымъ чаемъ, кото-

рымъ они себя время отъ времени подкрѣпляли.

Я могу смѣло сказать, что никогда не видалъ и не слыхалъ артистовъ, пѣвшихъ съ такимъ огромнымъ подъемомъ и одушевленіемъ, какъ эти два текинскихъ барда... У тенора и безъ того было лицо пророка, а во время пѣнія, лицо это, прямо-таки, одухотворялось и оба, какъ баритонъ, такъ и теноръ, несмотря на то, что сами себѣ аккомпанировали, сопровождали свое пѣніе жестикуляціей. При этомъ былъ удивителенъ жестъ правой руки у тенора, такой жестъ, которымъ человѣкъ обыкновенно желаетъ убѣдить другого въ чемъ-либо.

Но всего поразительнѣе для меня была та тесситура голоса, которой держался все время теноръ.

Такой колоссальной высоты звука мнѣ никогда не приходилось слышать, при чемъ звуки эти брались не микстомъ и не фальцетомъ, а прямо грудью.

Послѣ каждой пѣсни, къ пѣвцамъ подходилъ кто-нибудь изъ текинцевъ и вытиралъ ихъ лица шелковымъ платкомъ.

Пѣли они мнѣ наиболѣе популярныя, народныя текинскія пѣсни, изъ которыхъ я записалъ слѣдующія: «Наръ-Алачи (пѣсня

о гранатовомъ деревѣ), «Досъ-Магометъ и Биби» (пѣсня о дѣвушкѣ Биби и ея убійствѣ), «Гулма-Метъ» и «Кулъ-Сейдахъ» (военныя пѣсни), «Кариба Шахъ-Сенемъ» (хивинская пѣсня), «Хейбра и Хургана» (молодой мужъ) и «Ай-Джаманъ» (текинская пѣсня).

Онѣ всѣ довольно разнохарактерны, особенно въ ритмическомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, по своему мелодическому рисунку, онѣ болѣе разнообразны, чѣмъ пѣсни кавказцевъ.

Темой для пѣсни, большею частью, служатъ подвиги аламановъ (разбойниковъ), любовныя похожденія, и военныя событія древнихъ лѣтъ.

Музыканты на своихъ длинныхъ флейтахъ (которыя они держатъ совершенно прямо), играли стоя и, время отъ времени, не прерывая игры, дѣлали какіе-то странные поклоны, то намъ, то другъ другу. Лица у нихъ были серьезныя и сосредоточенныя.

Между прочимъ, они сыграли очень красивую свадебную пѣснь — «Курте-Гемми» (молодая невѣста).

Отъ всего, что я слышалъ, я получилъ огромное наслажденіе, какъ слуховое, такъ и зрительное.

По окончаніи сеанса и послѣ того, какъ

я горячо поблагодарилъ текинскихъ артистовъ, я сказалъ Ф. А. Михайлову: «Долгъ платежомъ красенъ. Текинцы поподчивали меня своей музыкой и, какъ вы думаете Ф. А., не сыграть ли и мнѣ что-нибудь на вашемъ роялѣ? Любопытно было бы знать, что они скажутъ на *нашу* музыку!»

Полковникъ горячо ухватился за эту мысль и всѣ мы, здѣсь присутствовавшіе, русскіе и текинцы, перешли въ другую комнату, гдѣ стоялъ прекрасный рояль.

Я сѣлъ за инструментъ и сыгралъ кое-что изъ произведеній Грига, Шопена и Чайковскаго, а въ заключеніе исполнилъ «Трепакъ» Рубинштейна.

Русскіе дамы и мужчины, наговорили мнѣ массу любезностей, много и долго меня благодарили, но главная моя публика, текинцы — увы — совсѣмъ не отозвались на произведенія корифеевъ европейской музыки. Лица ихъ выражали полнѣйшее равнодушіе, а въ особенно громкихъ или бравурныхъ мѣстахъ, они даже морщились.

Мнѣ стало обидно за *нашу* музыку, и, видя, что эти сыны природы, совершенно не реагируютъ на нее, я рѣшилъ угостить текинцевъ ихъ собственной музыкой изъ только что записанныхъ мною пѣсенъ. И сѣвъ за рояль, я сыгралъ имъ нѣсколько мелодій.

Тутъ картина сразу измѣнилась. На лицахъ текинцевъ выразилось удивленіе и восторгъ. Съ радостными возгласами «Чау, чау!», они окружили меня и напряженно слушали.

И, такимъ образомъ, сдѣлавъ уступку текинскому націонализму, я добился того, что, въ концѣ-концовъ, мы остались довольны другъ другомъ и, взаимно пожелавъ всего лучшаго, мы простились съ ними.

Не менѣе музыки и пѣнія текинцы любятъ сказки.

И сказочникъ (часто странствующій дервишъ) всегда находитъ въ кибиткѣ текинца радушный и почетный пріемъ.

Любовь къ сказкамъ, впрочемъ, свойственна всѣмъ народамъ Востока и особенно народамъ Туркестана, который съ древнихъ временъ былъ ареной кровавыхъ битвъ и разбойничьихъ набѣговъ.

Да, кромѣ того, стихійныя явленія природы (землетрясенія, сильныя бури и т. п.) даютъ не мало пищи народной фантазіи.

Героями текинскихъ сказокъ являются большею частью аламаны (разбойники) и злые духи, мѣшающіе и насмѣхающіеся надъ ними.

Хитрость и изворотливость—качества, играющія большую роль въ ихъ сказкахъ.

Какъ образецъ, приведу вамъ здѣсь пе-

ресказъ одной изъ лучшихъ текинскихъ сказокъ, слышанную мною, отъ одного стараго асхабадскаго туземца.

Сказка о Ядуръ-Ханѣ.

(Ханѣ-осликѣ).

Славенъ и великъ былъ великолѣпный Ядур-Ханъ! Онъ властвовалъ надъ Салорами, Текинцами и Огузами по всей долинѣ Аму-Дарьи и по всему Мерву.

То, что я хочу вамъ разсказать, произошло тысячи лѣтъ тому назадъ, но Аллахъ вѣдаетъ, что уста мои не лгутъ и чисты, какъ воды горнаго ручья Хорасена!

Прозвище «великолѣпнаго» Ядуръ-Ханъ получилъ послѣ того, какъ возвратился изъ похода противъ сосѣдняго племени Беджне.

Селеніе и аулъ Беджне онъ во славу Аллаха предалъ огню, жителей убилъ, женщинъ и дѣвушекъ обезчестилъ и съ награбленнымъ добромъ гордо возвратился въ родной Анау. И приближенные его, сейчасъ же, при всемъ народѣ провозгласили Ядуръ-Хана «великолѣпнымъ» (Южъ-Гютъ).

Не только съ врагами, но и съ своими подданными Ядуръ-Ханъ былъ грозенъ и суровъ. У него, между прочимъ, была страсть ко всякимъ развлеченіямъ и зрѣ-

лищамъ, а главное его удовольствіе состояло въ рубкѣ головъ, попадавшихся ему навстрѣчу людей. Эта ханская привычка создала въ странѣ массу недовольныхъ, но всѣ эти люди молчали по той простой причинѣ, что у нихъ уже не было головы. А тѣ, которые еще носили на плечахъ свои головы, ужъ и этимъ были довольны и потому тоже молчали. Наконецъ, стоило жителямъ только не попадаться Хану навстрѣчу—и все обходилось по-хорошему. Оттого текинцы вылѣзали лишь по ночамъ изъ своихъ кибитокъ, когда знали что «великолѣпный» Ханъ почиваетъ сномъ праведнымъ. И такая счастливая жизнь шла годы. Днемъ Ханъ въ сопровожденіи двухъ молодцевъ-палачей изъ Фарсистана рыскалъ по Мерву и Анау, а ночью, его вѣрные текинцы выходили дышать ароматомъ степныхъ цвѣтовъ и радовались, что они еще живы.

Но вѣрна текинская пословица: «И солнце когда-нибудь погаснетъ».

Все это кончилось чудесно и неожиданно!

Въ одинъ прекрасный день, на базарѣ въ Мервѣ появился таинственный дервишъ, старый, престарый и началъ смущать добрыхъ текинцевъ нехорошими словами. Онъ даже открыто порицалъ страсть Ядуръ-Хана къ «развлеченіямъ» и въ своей дерзости

дошелъ до того, что высказалъ предположеніе о томъ, что Аллахъ надѣлилъ текинцевъ головами не столько для развлеченія Хана, сколько для ихъ собственной надобности...

Услыхавъ отъ своихъ приближенныхъ о такой неслыханной дерзости, Ядуръ-Ханъ задрожалъ справедливымъ гнѣвомъ и приказалъ сейчасъ же представить старца предъ свои грозныя очи.

Тѣлохранители Хана, тутъ же на базарѣ, немедля схватили дервиша и привели его связаннаго во дворецъ, гдѣ Ханъ окруженный совѣтниками и приближенными встрѣтилъ дерзкаго преступника словами:

«Ты ли, собака, осмѣлился лаять на повелителя Мерва и Анау?

«Ты ли училъ, бродяга, народъ на базарѣ, что у нихъ голова собственная?» и обратясь къ стоявшему по близости главному сборщику податей Абдулъ-Гази, Ханъ спросилъ его:

«Скажи этой старой собакѣ, чья голова у тебя на плечахъ!»

Поблѣднѣвшій сановникъ отвѣчалъ:

«Голова, которую я, недостойный рабъ временно осмѣливаюсь носить—твоя, великій Ханъ!»

«Ты слышалъ, презрѣнный червь», закричалъ Ханъ на дервиша, «а сейчасъ я пока-

жу тебѣ, чья у тебя самого голова на плечахъ!»

Ханъ хлопнулъ три раза въ ладоши, и въ дверяхъ показались два дюжихъ палача-фарсистанца со сверкающими саблами въ рукахъ...

«Остановись, Ядуръ-Ханъ», спокойно сказалъ дервишъ. «Одумайся!»

«Да будь я осломъ, если есть здѣсь о чемъ думать!» воскликнулъ Ханъ.

И только успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ совершилось удивительное чудо! (Аллахъ вѣдаетъ, что я говорю правду!) Вмѣсто Хана стоялъ маленькій смирный осликъ, а что касается дервиша, то онъ исчезъ, и слышенъ былъ только какой-то странный, постепенно удалявшійся хохотъ...

Совѣтники, приближенные и палачи долго оставались въ нѣмомъ оцѣпенѣніи, а осликъ, шевеля своими длинными ушами, смирно стоялъ и тупыми глазами посматривалъ на изумленныхъ и перетрусившихъ людей.

Первымъ пришелъ въ себя Абдулъ-Гази, сборщикъ податей. Онъ, предварительно, преклонившись передъ осликомъ, предложилъ закрыть всѣ двери и выходы дворца и составить совѣтъ, какъ быть и какъ поступить въ новомъ положеніи.

И, посовѣтовавшись, порѣшили скрыть отъ народа странную перемѣну, происшедшую съ Ханомъ, дабы не слишкомъ опечалить вѣрныхъ текинцевъ. Кромѣ того, постановили сообща править страной, предоставивъ ослику всякія удобства, вплоть до помѣщенія его въ ханскихъ комнатахъ. А женъ Хана умертвить и вмѣсто нихъ пріобрѣсти нѣсколько ослицъ.

Какъ порѣшили, такъ и сдѣлали!

Осликъ прожилъ еще 20 лѣтъ, 20 мѣсяцевъ и 20 дней и когда издохъ, то былъ похороненъ съ большой пышностью около Анау въ мѣстности, которую до сихъ поръ называютъ Ядуръ-Карыбъ (ослиная могила).

Дервишъ (вѣрнѣе всего это былъ злой волшебникъ) исчезъ безслѣдно.

Текинцы послѣ чудеснаго превращенія Хана стали проявлять массу распущенности и были даже смѣльчаки, выходившіе среди бѣлаго дня изъ своихъ кибитокъ...

V.

Байрамъ-Али и старый Мервъ.

Я выѣхалъ изъ Асхабада 12-го января, рано утромъ, прямо въ Байрамъ-Али, минуя Мервъ.

Карантинъ въ Мервѣ (по случаю чумы) былъ только что снятъ, но каждый моментъ грозилъ возобновиться и, потому, путешественникъ легко могъ бы очутиться тамъ въ положеніи арестанта. Все это дѣлало поѣздку и остановку въ Мервѣ крайне непріятной.

На вокзалъ я пріѣхалъ всего за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда и поспѣшилъ въ первый попавшійся вагонъ. Но носильщикъ, указывая мнѣ на красовавшуюся на вагонѣ доску съ крупной надписью—«*Для мусульманъ*», сказалъ:

«Вамъ, господинъ, тутъ не мѣсто».

Подобные, спеціальные вагоны «для му-

сульманъ» имѣются всегда при всѣхъ поѣздахъ Средне-Азіатской ж. д.

Смысла въ этомъ я мало вижу.

Говорятъ, будто сарты, бухарцы и текинцы неопрятны, но вѣдь и россійскіе путешественники (особенно средняго класса) не такъ уже увлекаются гигіеной. Какъ-то, изъ любопытства, я зашелъ въ вагонъ «для мусульманъ» и, увѣряю васъ, тамъ не было грязнѣе, чѣмъ въ вагонѣ «для православныхъ». А, между тѣмъ, такое распоряженіе несомнѣнно оскорбляетъ туземцевъ.

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такого сорта происшествія: какъ-то разъ, въ вагонѣ, между Андижаномъ и Скобелевымъ, окончивъ игру въ карты, я со своими случайными партнерами, пошелъ обѣдать въ вагонъ-столовую. Во время остановки, на какой-то станціи, въ него вошли два сарта, очень хорошо одѣтые, очевидно купцы. Одинъ изъ нашихъ партнеровъ, бравый капитанъ, сейчасъ же указалъ имъ на дверь съ приказаніемъ удалиться, при чемъ все это было сдѣлано въ очень грубой формѣ.

Сарты смущенно ушли...

Мнѣ стало стыдно и больно...

Но я отвлекся въ сторону и прошу извиненія.

Въ Байрамъ-Али поѣздъ пришелъ вече-

ромъ и я захотѣлъ, конечно, немедленно отправиться въ гостиницу. Но она имѣется тамъ лишь въ зачаткѣ, и потому, благодаря любезности начальника движенія Ср.-Аз. ж. д. г-на Карпова, я прожилъ все время своего пребыванія въ Байрамъ-Али въ вагонѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми моими спутниками. Вагонъ этотъ поставили на запасной путь, и я не могу пожаловаться на свое вагонное житье. Жилось сносно.

Всего въ полуторахъ верстахъ отъ вокзала расположена Государева Экономія или, какъ принято ее называть, Государево Мургабское Имѣніе. А совсѣмъ около станціи находится замѣчательный, построенный по послѣднему слову техники, хлопкоочистительный заводъ, принадлежащій этому имѣнію.

Весь Байрамъ-Али живетъ и дышетъ, конечно, имѣніемъ и заводомъ, и 70% жителей состоитъ изъ высшихъ и низшихъ служащихъ этихъ учрежденій.

Прекрасная и многоводная рѣка Мургабъ, протекаетъ близъ самого имѣнія, а въ 25 верстахъ находится знаменитая Султанбентская Плотина — одно изъ замѣчательнѣйшихъ ирригаціонныхъ сооруженій края.

При Экономіи имѣется 100 десятинъ вино-

градниковъ, 50 десятинъ миндальныхъ плантацій и одна десятина фруктоваго сада.

На земляхъ имѣнія разселены хуторами таранчи—выходцы изъ Семирѣчья.

Экономія образована еще не такъ давно, но уже очень благоустроена и я, съ огромнымъ удовольствіемъ, побродилъ тамъ вездѣ (гдѣ только было доступно).

Заводъ и имѣніе расположены по лѣвой сторонѣ вокзала, а напротивъ, по правую сторому, лежитъ Старый Мервъ, вѣрнѣе его развалины и небольшая азіатская часть Байрамъ-Али.

По своемъ пріѣздѣ, я немедленно отправился осматривать царское имѣніе и, признаться, былъ пораженъ его великолѣпнымъ благоустройствомъ.

Чудесенъ и роскошенъ паркъ рѣдкихъ и цѣнныхъ деревьевъ съ аллеями, усаженными пышнымъ, темнымъ *карагачемъ* (дерево изъ породы акацій). Дворецъ небольшой, но очень красивый, построенный въ современномъ стилѣ и, по крайней мѣрѣ, наружно, содержится хорошо. Въ дворцовый садъ я не попалъ, ибо при первой моей попыткѣ войти туда, былъ остановленъ сторожемъ.

Система орошенія при Мургабскомъ имѣніи представляетъ собой послѣднее слово техники.

Но поразительнѣе всего въ Байрамъ-Али, это его арыки (канавки). *Арыкъ* — уличная или степная канавка, желобокъ—имѣетъ для всего Туркестана огромное значеніе. При скудости естественнаго орошенія края, а мѣстами полнаго отсутствія воды, арыки часто являются единственными источниками влаги. Они, большею частью, просто вырываются въ землѣ лопатами или, даже, руками самымъ примитивнымъ образомъ и вода, рѣчная или дождевая, накапливающаяся въ нихъ служитъ часто (какъ, напримѣръ въ Андижанѣ, Наманганѣ и подобныхъ мѣстахъ) для питья, какъ людямъ, такъ и животнымъ. Вода, конечно, въ нихъ грязная, какъ всякая стоячая вода, и буквально смертоносна для питья, если ее хорошенько не прокипятить. Половина ужасныхъ мѣстныхъ болѣзней родится въ этихъ арыкахъ.

Но въ Мургабскомъ имѣніи арыки нельзя, въ сущности, даже назвать арыками.

Это очень широкіе (около аршина) канальчики, заключенные въ гранитныя стѣнки, и вода въ нихъ прозрачна и чиста, какъ въ источникѣ Ипокрена. Эти арыки идутъ сѣтью по своему имѣнію, питаясь водою изъ р. Мургаба.

Огромному количеству служащихъ людей

живется въ экономіи больше чѣмъ хорошо, а тѣ, которые недавно попали тамъ подъ судъ за злоупотребленія или, какъ нѣжно выражаются въ Байрамъ-Али, «за путаницу въ отчетахъ», вѣроятно, просто съ жиру сбѣсились.

А служащимъ здѣсь есть отъ чего жиръ нагулять.

Природа очаровательна, климатъ превосходный, мясо, дичь, молоко, фрукты и вина дешевы, а кромѣ того, кредитъ для служащихъ открытъ широкій.

Словомъ, умирать не надо!

И нѣмецкая поговорка «хапенъ зи гевезенъ» кажется полнѣйшей безсмыслицей тамъ, гдѣ безо всякаго «хапенъ» живется жирно и привольно.

Много мнѣ разсказывали о злоупотребленіяхъ, бывшихъ предметомъ судебнаго дѣла, и при этомъ спрягали глаголы «брать, взять», «красть» и т. д. на всевозможные и невозможные лады.

Скучно и однообразно было слышать здѣсь о томъ, что и въ Россіи то надоѣло.

Поселокъ служащихъ составляетъ цѣлый маленькій городокъ между вокзаломъ и имѣніемъ. Въ немъ есть, конечно, врачи, аптеки, магазины, парикмахеры и клубъ (собраніе служащихъ).

Въ клубѣ можно недурно пообѣдать и поужинать и тамъ же находится театральная сцена со зрительнымъ заломъ, которая сдѣлала бы честь любому губернскому городу средней Россіи.

Пароконные извозчики недороги и въ достаточномъ количествѣ.

Я хотѣлъ, было, посѣтить хлопкоочистительный заводъ, но оказывается постороннимъ лицамъ входъ туда воспрещенъ; надо быть, по крайней мѣрѣ, тайнымъ совѣтникомъ, чтобы попасть туда. Я же, какъ не имѣющій никакого чина, даже мысленно не дерзнулъ подумать о чемъ-либо подобномъ.

Но каюсь...

На дворъ завода все-таки ходилъ и позволилъ себѣ (конечно, съ должнымъ уваженіемъ) осмотрѣть огромныя горы хлопка, лежавшія на немъ.

Уже по этимъ горамъ можно судить о колоссальномъ значеніи завода для окружающаго раіона.

Изъ хлопка здѣсь ничего даромъ не пропадаетъ. По очищеніи его и послѣ выжиманія изъ него масла, жмыхи прессуются и въ формѣ кубиковъ идутъ на топливо, которое употребляется во всемъ Мервскомъ краѣ. Они горятъ прекрасно и даютъ массу тепла.

Имѣніе и заводъ приносятъ, какъ говорятъ, хорошій дивидендъ, и содержаніе ихъ, во всякомъ случаѣ, окупается съ избыткомъ.

Восточнаго элемента здѣсь совсѣмъ не видать и всѣ служащіе русскіе.

Зато, пройдя черезъ вокзалъ на другую сторону желѣзной дороги, т.-е. просто черезъ рельсовые пути, вы сразу почуете Востокъ.

Тутъ не можетъ быть сомнѣній.

«Правая, лѣвая, гдѣ сторона?»

Насколько по лѣвой сторонѣ рельсъ (въ имѣніи) все опрятно и благоустроено въ русскомъ духѣ, настолько «по ту сторону» все бѣдно и грязно съ чисто восточнымъ оттѣнкомъ.

Въ этомъ небогатомъ азіатскомъ поселкѣ живутъ (преимущественно ремесленники) текинцы, бухарцы и нѣсколько сартовъ. Есть тамъ восточный Караванъ-Сарай и нѣсколько «Чай-Ханэ» (восточныхъ чайныхъ). Есть кое-какія восточныя лавки и даже небольшой базаръ, гдѣ при мнѣ расположился на отдыхъ караванъ верблюдовъ.

Что за славныя животныя, эти «корабли пустыни» и какимъ роскошнымъ подаркомъ природы являются они для Туркестана!

Верблюдъ во многомъ превосходитъ лошадь.

Гордый конь по самой своей природѣ—аристократъ.

Расовое различіе между лошадьми огромное и чистокровный скакунъ, вѣроятно, съ презрѣніемъ смотритъ на бѣднаго тяжеловоза. Да, кромѣ того, лошадь требуетъ ухода, а лошадиный аристократъ «чистой крови» капризенъ не менѣе своего товарища людской породы.

И это, несмотря на то, что, въ сущности говоря, всѣ эти скакуны «чистокровные» и всѣ эти орловскіе и американскіе рысаки годны только для ипподрома, иначе говоря, для тотализатора, и въ этомъ отношеніи являются (какъ всякія существа высшей породы) тунеядцами. А издохнетъ такой аристократъ, то уже всему конецъ, и воспоминаніе о немъ остается только у разныхъ спортсменовъ да у завсегдатаевъ «тотошки».

Верблюдъ же не знаетъ никакихъ расовыхъ предразсудковъ и требуетъ минимальнаго ухода. А послѣ смерти онъ своей шерстью грѣетъ хозяина, своей кожей покрываетъ его кибитку и своимъ мясомъ питаетъ его.

Однимъ словомъ верблюдъ настоящій демократъ...

Конечно, есть верблюды подороже и подешевле, но цѣны тутъ не зависятъ отъ превосходства рожденія, а лишь отъ его индивидуальныхъ качествъ (отъ силы и выносливости). Породу «Махарія» цѣнятъ выше, но, въ общемъ, верблюдъ въ Туркестанѣ стоитъ недорого: отъ 50 до 100 руб.

Лошадь почти непримѣнима на огромныхъ пространствахъ безводныхъ степей и пустынь Туркестана.

А верблюду нужно напиться разъ въ недѣлю, а ѣстъ онъ, когда и что ему дадутъ. Подымаетъ онъ на себѣ порядочную тяжесть (до 6 пудовъ), но при этомъ у него есть одна особенность: когда его вьючатъ, онъ ложится и если ему накладутъ лишняго, по его мнѣнію, хотя бы фунтъ вѣсу, онъ низачто не поднимется съ земли.

Тюркмены любятъ и хорошо относятся къ своимъ верблюдамъ.

Они украшаютъ ихъ разными лентами и побрякушками, и я никогда не видѣлъ, чтобы тюркменъ ударилъ животное.

Нѣсколько смѣшно видѣть огромный караванъ верблюдовъ, идущій, напримѣръ, въ Персію или въ Афганистанъ.

Смѣшнымъ элементомъ является осликъ съ тюркменомъ на немъ. Осликъ этотъ всегда идетъ впереди, и уже за нимъ тянется весь

караванъ. Верблюды при этомъ связаны между собою и идутъ гуськомъ.

Сколько я ни наблюдалъ каравановъ, но иного порядка не видѣлъ.

Ѣзда на верблюдахъ—уже дѣло «на любителя». Я (еще раньше чѣмъ побывалъ въ Туркестанѣ) испробовалъ эту ѣзду и получилъ все, кромѣ удовольствія, т.-е., головокруженіе, тошноту и т. п. Да помимо этого, все время кажется, что куда-то падаешь.

Ослики тоже въ большомъ ходу въ Туркестанѣ. Они тамъ сильной и выносливой породы и стоятъ до смѣшного дешево (5—6 рублей). Полезны они тюркмену до безконечности.

Но я отвлекся въ сторону моими зоологическими наблюденіями.

Побродивъ еще немного по азіатской части Байрамъ-Али, я зашелъ посмотрѣть Караванъ-Сарай и изъ любопытства спросилъ о цѣнѣ грязной и темной конуры; съ меня потребовали за нее чуть ли не груду золота.

Сейчасъ же около азіатской части Байрамъ-Али лежатъ развалины стараго города Мерва.

Старый Мервъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ историческихъ памятниковъ Турке-

стана. Расположенный между Ираномъ и Тураномъ, не мудрено, что онъ постоянно являлся ареной кровавыхъ битвъ и опустошеній. Когда-то онъ былъ столицей Харазана. О его древности можно уже судить по тому, что Зороастра-Вендидатъ за 2500 лѣтъ до Р. Х. упоминаетъ о немъ.

Городъ переходилъ изъ рукъ въ руки всѣхъ азіатскихъ воителей и забіякъ, а въ 18 столѣтіи, бухарцы его совсѣмъ завоевали и сдѣлали мѣстомъ ссылки преступниковъ.

Пространство, занимаемое развалинами древняго Мерва, имѣетъ почти 100 квадратныхъ верстъ.

Происходитъ это оттого, что всѣ завоеватели, по обычаю того времени, огнемъ и мечемъ разрушали городъ, а новый (свой) строили уже рядомъ.

И, такимъ образомъ, замѣчаются слѣды городовъ: Байрамъ-Али, Ханъ-Када, Искандеръ-Кала, Султанъ-Санджаръ-Кала и Гяуръ-Кала.

Сохранились нѣкоторые удивительные памятники древняго зодчества, изъ которыхъ красивѣе всего мечеть Султанъ-Санджара. Искандеръ-Кала построенъ Александромъ Македонскимъ. (По крайней мѣрѣ о его подвигахъ въ Мервѣ разсказываетъ Квинтъ Курцій).

Для археолога развалины древняго Мерва должны дать огромное поле для работъ однимъ только историческимъ событіемъ, происходившемъ здѣсь. Но, какъ мнѣ передавали старожилы въ Байрамъ - Али о русскихъ археологахъ, посѣтившихъ развалины Мерва, не слыхать, а иностранцамъ пребываніе въ Туркестанѣ не разрѣшено.

Пройдя черезъ старинныя ворота за стѣну древняго Мерва, я убѣдился лично, что пора археологу заѣхать сюда, пока не будетъ поздно. Дѣло въ томъ, что внутренность развалинъ обращена въ мѣсто для свалки мусора. Да, кромѣ того, при мнѣ какіе - то люди пріѣхали сюда съ телѣгой и, преспокойно начавъ ломать стѣну, увозили массу камней (по всей вѣроятности для шоссейныхъ работъ).

И, такимъ образомъ, дѣло по разрушенію стараго Мерва продолжается также успѣшно (но съ меньшимъ рискомъ), какъ и при великомъ македонскомъ героѣ.

Господа археологи!

Господа этнографы!

Ау!

Гдѣ вы?

VI.

Бухара.

Изъ Байрамъ-Али я черезъ Чарджуй поѣхалъ въ Бухару.

Станція Коганъ!—провозглашаетъ кондук-дукторъ, и вы - въ Бухарѣ...

(Англійскій языкъ труденъ: пишется каучукъ, а выговаривается гуттаперча!).

При чемъ тутъ Коганъ, когда кругомъ Бухара и даже двѣ: Новая и Старая?

Новая Бухара называется русскій поселокъ - городокъ около самой станціи Коганъ.

А Старая (настоящая) Бухара лежитъ на 13 верстъ въ сторону, и къ ней ведетъ отдѣльная ж. д. вѣтка.

Что за странная привычка у русскихъ давать всѣмъ своимъ поселкамъ, возникающимъ около разныхъ историческихъ или восточныхъ мѣстностей, названіе «новый».

Ужели скудость фантазіи не позволяетъ

дать какое-нибудь свое названіе этимъ поселкамъ. Странно звучитъ «Новая Бухара», «Новый Маргеланъ» и т. д. (Въ погонѣ за новшествомъ близъ Москвы находится даже «Новый Іерусалимъ»!..).

Обо всемъ этомъ размышлялъ я мимоходомъ, когда ѣхалъ съ вокзала «Коганъ» въ гостиницу въ «Новой Бухарѣ».

При расчетѣ съ извозчикомъ меня постигла непріятность, но эту непріятность испытываютъ всѣ путешественники, начиная съ г. Чарджуя вплоть до г. Самарканда, а особенно чувствительна она въ Бухарѣ.

Дѣло въ томъ, что здѣсь въ обращеніи находится лишь серебряная монета 15-копеечнаго достоинства. Монеты эти, большею частью т. н. «сартовскія», хотя и чеканятся онѣ въ Бухарѣ, а остальныя деньги просто русскіе пятіалтынные. Кромѣ того, въ ходу мѣдныя бухарскія деньги (по 4 штуки на копейку и даже по 8 штукъ). Рубли, двугривенные и полтинники здѣсь представляютъ собой чуть ли не нумизматическую рѣдкость.

И, если вамъ надо отдавать извозчику 40 копеекъ, вы находитесь въ безвыходномъ положеніи и, въ концѣ-концовъ, конечно, отдаете 45.

Эти бухарскія монеты доставляютъ однѣ непріятности и, дѣйствуя на нервы (мнѣ, по

крайней мѣрѣ), прямо-таки отравляютъ жизнь.

Новая Бухара представляетъ изъ себя городокъ, состоящій изъ однѣхъ почти больших и пустыхъ площадей. Домовъ мало, всѣ одноэтажные, невзрачные и отстроенные въ строго-выдержанномъ Серпуховско-Калужскомъ стилѣ.

Единственный, очень хорошій домъ (то же въ строгомъ стилѣ русскихъ казенныхъ палатъ), это домъ Русскаго политическаго агента. Надъ нимъ развѣвается русскій флагъ.

Новая Бухара имѣетъ Отдѣленіе Государственнаго Банка, Почтовое отдѣленіе и т. п. ну, все что требуется. Восточнаго въ ней ничего нѣтъ рѣшительно, и она съ успѣхомъ могла бы замѣнить любой изъ русскихъ уѣздныхъ городовъ.

На другой день по своемъ пріѣздѣ, я рѣшилъ отправиться въ настоящую Бухару и, вмѣстѣ съ одной русской дамой, г-жей М., въ 11 часовъ утра уже былъ на вокзалѣ, а черезъ полчаса ѣзды по ж. д. вѣткѣ вышелъ на станціи «Бухара».

Тутъ мы сразу попали въ другой міръ.

Пестрая толпа сартовъ, хивинцевъ, бухарцевъ, индусовъ и др. въ ихъ разноцвѣтныхъ

восточныхъ костюмахъ, гудѣла, шумѣла на всѣхъ концовъ перрона.

День былъ хорошій, теплый и солнце (должно быть въ погонѣ за эффектами), освѣщало и толпу, и зданія города съ его минаретами.

Мы взяли пароконный экипажъ и отправились въ городъ.

Онъ начинался сейчасъ же у вокзала, и мы ѣхали по полумощенному, такъ сказать, шоссе. Въ самомъ городѣ мощеныхъ улицъ совершенно нѣтъ, и весной и осенью, въ ненастную погоду, сообщеніе съ нимъ почти прекращается.

Отъѣхавъ немного отъ вокзала, мы проѣзжали мимо огромнаго кладбища, тянувшагося по обѣимъ сторонамъ дороги на большое пространство. Я бы не назвалъ это кладбищемъ, а вѣрнѣе складомъ покойниковъ, ибо одна могила (всѣ изъ глины) налѣплена на другую, и всѣ онѣ были совершенно одинаковой формы. Все это напоминало денежный ящикъ (только гигантскихъ размѣровъ) въ «желѣзной комнатѣ» какого-нибудь банка и, въ довершеніе сходства, у каждой могилы, я замѣтилъ нѣчто въ родѣ дверцы.

Миновавъ «складъ мертвыхъ», мы черезъ

ворота въѣхали на улицу города и сразу попали въ толпу живыхъ.

(Слово «улица» прошу принимать только какъ манеру выражаться).

Весь городъ состоялъ изъ узкихъ проходовъ (немощенныхъ), въ которыхъ два встрѣчныхъ экипажа съ трудомъ могли бы разъѣхаться. Теперь прибавьте къ этому, что за нѣсколько дней передъ нашимъ пріѣздомъ въ Бухару шелъ дождь, и вы можете смѣло мнѣ вѣрить, если я скажу, что жидкая грязь на «улицахъ» лежала не менѣе какъ на полъ-аршина.

Несмотря на это, движеніе было большое. Всадники, верхомъ на лошадяхъ, верблюдахъ, осликахъ сновали по всѣмъ направленіямъ. Что же касается пѣшеходовъ, то бухарцы, подобравъ свои халаты, показывали истинныя чудеса эквилибристики, ухитряясь переходить и перепрыгивать черезъ неимовѣрныя лужи.

Въ бухарскихъ домахъ оконъ на улицу совсѣмъ не существуетъ. Да и къ чему они, когда жизнь туземной семьи, большей частью проходитъ на крышѣ дома.

На одной изъ этихъ крышъ я увидалъ пару дѣвушекъ (бухарскихъ евреекъ), нарядно одѣтыхъ въ какія то странныя и богатыя одежды. Обѣ были очень красивы,

но одна изъ нихъ обладала, прямо-таки, исключительной красотой. Онѣ, увидѣвъ насъ, смѣялись и весело кивали намъ головой.

Мы проѣхали еще безконечный рядъ узкихъ улицъ, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ становились все грязнѣе и грязнѣе.

Извозчику я велѣлъ везти насъ въ Регистанъ. (Регистанъ найдется во всѣхъ восточныхъ городахъ Туркестана. Такъ называется главная площадь съ базаромъ, на которой сосредоточена вся торговля и общественная жизнь туземцевъ).

Миновавъ еще нѣсколько клаокъ, я и моя спутница вдругъ ахнули отъ неожиданности: вмѣсто улицы передъ нами разстилалась водная равнина. Но, нашъ извозчикъ, не смущаясь спокойно переѣхалъ черезъ нее, при чемъ мы благоразумно подобрали свои ноги на сидѣнье, ибо вода, почти, достигала внутренности экипажа.

Переправившись благополучно черезъ пучину водъ, наше путешествіе опять приняло сухопутный характеръ, и, немного погодя, мы торжественно выѣхали на площадь Регистана и остановились передъ дворцомъ Эмира или, какъ онъ тутъ оффиціально называется, Джено-би-Лали.

Изо всѣхъ городовъ и мѣстностей, видѣн-

ныхъ мною въ Туркестанѣ, нигдѣ подлинный Востокъ такъ ярко не сказывался, какъ на этой площади передъ дворцомъ Бухарскаго властителя. Картины ея переносили васъ сразу къ сказкамъ «Тысячи и одной ночи», и герои моего дѣтства Синдбадъ, Али-Баба и др. живо воскресли предо мною.

Громадная толпа на площади торговала, смѣялась, ссорилась, мирилась и неистово при этомъ горланила на всѣхъ нарѣчіяхъ Востока. Живописный костюмъ хаджи въ бѣлыхъ чалмахъ чередовался съ остроконечными шапками афганцевъ, и бронзовое лицо высокаго индуса мелькало въ толпѣ бухарцевъ и сартовъ.

Но, въ эту минуту, на площади появилось два лица, приковавшихъ къ себѣ общее вниманіе и эти два лица были—мы!

Около насъ образовалась большая толпа, которая съ любопытствомъ осматривала насъ и чуть что не щупала. Но, удовлетворивъ свою любознательность, она скоро отстала, и мы подошли къ дворцу.

Такъ какъ Эмира въ это время не было въ Бухарѣ, то я полагалъ, что возможно будетъ осмотрѣть дворецъ. Но не тутъ-то было!

Едва мы подошли поближе къ воротамъ, какъ насъ, довольно грозно «осадила назадъ»

стража, и намъ пришлось отказаться отъ этой мысли, такъ что мы видѣли, собственно, только цитадель и внѣшнюю высокую стѣну изъ глины, окружающую дворецъ. Самъ же дворецъ находится внутри.

Цитадель представляетъ собою довольно высокое зданіе съ бойницами, но думаю, что дюжина-молодцовъ-носильщиковъ съ вокзала, безъ особеннаго труда и потерь живо овладѣли бы и цитаделью и дворцомъ, несмотря на стражу и на то, что отрядъ бухарскихъ войскъ, въ количествѣ 14 человѣкъ, былъ выстроенъ передъ дворцомъ. Мы, оказалось, попали на площадь все-таки въ удачный моментъ, ибо, какъ разъ въ это время, тамъ ожидали выѣзда изъ дворца Кушинъ-бега, т.-е. перваго министра и главнаго сборщика податей Эмира.

И дѣйствительно.

Немного погодя мы услыхали невѣроятно фальшивые звуки трубъ, и изъ воротъ дворца началъ выходить въ расшитыхъ золотомъ и серебромъ халатахъ цвѣтъ бухарской бюрократіи. Впереди, въ дѣйствительно очень дорогомъ нарядѣ и съ золотой чалмой на головѣ шелъ самъ Кушингъ-бегъ, а позади его свита. Министру подали дивнаго коня; да и у свиты лошади бы великолѣпны. Но больше всего поразила меня попона

на лошади Кушинъ-бега: она была вся золотого тканья и усѣяна массой драгоцѣнныхъ каменьевъ.

«Войска» взяли на караулъ, министръ и его свита сѣли на коней и быстро скрылись изъ вида.

Картина была красивая, но не безъ комическаго элемента.

Этимъ элементомъ являлись «войска».

Всѣ 14 солдатъ были одѣты въ синія блузы и въ ярко-красные шаровары, на головѣ у всѣхъ красовались кепи, нѣсколько напоминающія головной уборъ французскихъ солдатъ. Это было бы все ничего, но ихъ манера ходить, держать ружья, отдавать честь и т. д. невыразимо отдавала фарсомъ, и опереточному режиссеру было бы здѣсь чему поучиться. Прибавьте къ этому, что всѣ солдаты были стариками и до невѣроятности грязны и оборваны.

Ружья у нихъ были того образца, который въ Европѣ можно встрѣтить лишь въ музеяхъ. Равнялись имъ и пушки, мирно лежавшія безъ лафетовъ на травѣ передъ цитаделью.

И, если народная толпа и площадь передъ дворцомъ дѣйствительно воскрешала сказки Востока, зато сама цитадель, съ ея стражей и войскомъ, какъ нельзя больше переносила насъ на сцену оперетки.

Кругомъ Регистана расположена масса мечетей и мы, конечно, пошли (пѣшкомъ) ихъ осматривать. Самая большая мечеть Медржди-Калымъ. По пятницамъ тамъ самъ Эмиръ совершаетъ намазъ. Эта мечеть иначе называется Кокъ-Кумбазъ, т.-е. зеленый куполъ. Рядомъ съ нею возвышается знаменитый минаретъ, вышиною въ 87 аршинъ. Съ этого минарета сбрасывали внизъ женщинъ, уличенныхъ въ прелюбодѣяніи. Послѣдняя такая казнь была совершена еще не такъ давно.

Зашли мы еще въ магометанскія училища: (университеты) мадрассъ Иръ-Назаръ и Миръ-Арабъ.

(Первое изъ нихъ сооружено съ помощью Императрицы Екатерины Великой).

Всѣ мадрассы располагаютъ превосходными и просторными аудиторіями, что, конечно, не лишнее, такъ какъ въ Бухарѣ числится 10000 студентовъ!

Тутъ, конечно, слово «студентъ» надо понимать иначе, чѣмъ у насъ.

Бухарскій студентъ—и торговецъ, и ремесленникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, прилежно проходитъ курсъ мусульманскихъ наукъ въ мадрассѣ.

Да кромѣ того, Бухара служитъ сейчасъ

центромъ, откуда выпускается магометанское духовенсство для всей Средней Азіи.

Мы, было, пытались завести бесѣду со студентами, но тщетно. За незнаніемъ языка, пришлось ограничиться одной мимикой.

Минареты особенно красивы въ Бухарѣ; на самой ихъ верхушкѣ, вы обязательно увидите огромныя гнѣзда аистовъ; ихъ не трогаютъ, такъ какъ аистъ является одной изъ любимѣйшихъ птицъ бухарцевъ.

Мы вернулись обратно черезъ базарную площадь и увидѣли, что вся толпа сосредоточилась вокругъ сказочнаго, разсказывавшаго сказки и во время отдыха показывавшаго какіе-то непонятные для насъ фокусы съ маленькими, красными шариками.

Вообще, надо сказать, что не зная языка, трудно пройти любознательному человѣку по Бухарѣ. Что же касается самихъ бухарцевъ, то я не встрѣтилъ ни единаго, который хотя бы одно слово зналъ по-русски. Особенно бросалось это въ глаза, когда я покупалъ на базарѣ кое-какія вещи: туземную обувь и одежду. Приходилось тыкать пальцемъ въ тотъ предметъ, который вамъ хотѣлось купить, а потомъ выложить наглядно ту сумму денегъ, или, вѣрнѣе сказать, то количество бухарскихъ пятіалтынныхъ, которыхъ, по вашему мнѣнію, товаръ стоилъ.

Купецъ же, со своей стороны, также наглядно прибавлялъ сумму, желаемую имъ за товаръ и, такимъ образомъ, молча вы торгуетесь, пока не придете къ окончательному результату.

Передъ одной изъ мечетей я увидѣлъ замѣчательную птицу, величиной съ голубя, но блестяще-чернаго, какъ уголь, оперенія съ ярко желтыми лапами и клювомъ (изъ породы скворцовъ), и мнѣ сказали про нее, что она «говоритъ, какъ человѣкъ». По туземному она называется «Майно-Джоу» или просто Майно.

Такъ какъ ее, оказывается, можно было купить (какъ все въ Бухарѣ), то я полюбопытствовалъ о ея цѣнѣ, и съ меня спросили 50 руб., что въ переводѣ на настоящія русскія деньги будетъ, конечно, значить 25 р.

Знаменитыя и, дѣйствительно, очень красивыя и граціозныя бухарскія кошки продаются здѣсь, на мѣстѣ, тоже не дешево.

Пара хорошихъ экземпляровъ (самецъ и самка) стоитъ отъ 75 до 100 рублей.

Мы прошли еще разъ главнымъ, крытымъ базаромъ, гдѣ шла огромная торговля и гдѣ опять передъ нашими глазами, какъ въ этнографическомъ словарѣ, промелькнули всѣ народности Востока.

Всѣ предметы торговли здѣсь размѣщены

по отдѣламъ; такъ есть хлопковые, шелковые, каракулевые, халатные и другіе ряды.

Что касается каракуля, то онъ здѣсь, на родинѣ своей, дѣлится на три сорта: черный, сѣрый и коричневый; послѣдній самый дорогой, цѣнный. Дешевле шести рублей за шкурку, хорошихъ смушекъ купить нельзя.

Но что, дѣйствительно, хорошо въ Бухарѣ и что я рекомендую каждому тамъ купить— это изюмъ всевозможныхъ сортовъ и, вообще всякіе сушеные фрукты. Все это тамъ превосходнаго качества и весьма недорого.

Утомившись отъ долгой ходьбы по бухарскимъ рытвинамъ, мы обрадовались, увидѣвъ своего извозчика, и двинулись обратно на вокзалъ.

Везъ онъ насъ теперь другой дорогой, и мы по пути успѣли осмотрѣть главный священный прудъ (Хаузъ), въ которомъ, самъ Эмиръ, разъ въ годъ, совершаетъ омовеніе*). Въ Бухарѣ прудовъ, вообще, много и получаютъ они свою воду изъ рѣки Зеравшана черезъ каналъ Шахрудъ. При этомъ вода въ прудахъ, разумѣется, застаивается и, благодаря этому, въ нихъ разводятся миріады бактерій, главнымъ образомъ, дафній и циклоповъ, и въ результатѣ масса жи-

*) Я этимъ вовсе не хочу сказать, что повелитель бухарцевъ одинъ разъ въ годъ умывается. Боже меня сохрани выразить сомнѣніе въ чистоплотности Эмира!

телей Бухары страдаетъ ужасной болѣзнью, извѣстной подъ туземнымъ названіемъ — *ришты.*

Ришта—это низшее животное изъ отряда круглыхъ червей, рода нитчатки (Faleria). Червь этотъ похожъ на бѣлый тонкій шнурокъ и достигаетъ часто 80 сантиметровъ длины, тогда какъ зародышъ его еле виденъ и имѣетъ едва ли 0,6 сантиметра. Зародышъ этотъ, попадаетъ въ человѣческій желудокъ вмѣстѣ съ питьевой водой; тамъ онъ прекрасно развивается и черезъ кишки проникаетъ въ кровь человѣка. Полнаго своего развитія онъ достигаетъ въ соединительныхъ тканяхъ человѣка. Затѣмъ посредствомъ нарывовъ или ужасныхъ язвъ, онъ показывается наружу. Единственное лѣченіе состоитъ въ извлеченіи червя изъ тѣла человѣка, и тутъ сартскіе доктора являются большими искусниками. Съ помощью тонкой, расщепленной на концѣ палочки они ущемляютъ червя и, ежедневно дѣлая по нѣсколько оборотовъ, постепенно извлекаютъ ришту изъ тѣла больного.

Недурная вещь!

Заходилъ я еще въ знаменитую лавку не менѣе знаменитаго бухарскаго еврея Дауда, торгующаго древностями.

Въ Бухарѣ масса очень типичныхъ евреевъ

и всѣ они ведутъ свою родословную отъ Веніамина. Самый старый и самый типичный изъ нихъ, это старый Дауръ, и между всѣми древностями, которыми онъ торгуетъ, пожалуй, онъ самый любопытный.

Рѣдкія древности въ Бухарѣ, конечно, найдутся, но цѣны на нихъ (на настоящія) чудовищныя.

Зато, имитацій и фальсификацій теперь появилось здѣсь множество, и за полтара рубля вы найдете, сколько угодно «подлинныхъ» мечей Олоферна или Камбиза.

Подъѣзжая къ вокзалу, мы въ какомъ-то русскомъ трактирчикѣ дорого и скверно пообѣдали, а черезъ часъ уже вернулись обратно въ Коломну... тьфу ты! Я хотѣлъ сказать—въ Новую Бухару!..

Да разницы, собственно, никакой!

Развѣ только та, что въ Коломнѣ исправникъ, а здѣсь политическій агентъ.

Зато въ Коломнѣ пастила, а здѣсь—ничего...

Во снѣ я видѣлъ, что меня назначили Эміромъ и, проснувшись, долго отъ страха не могъ придти въ себя...

VII.

Кабала въ Бухарѣ.

Площадь въ Регистанѣ передъ дворцомъ Эмира въ Бухарѣ...

Полдень...

Пестрая восточная толпа, разинувъ рты, глазѣетъ на роскошный выѣздъ перваго министра (Кушинъ-бега) изъ дворца.

Я также глазѣлъ и почтительно удивлялся...

Но, по скверной своей привычкѣ глазѣть и по сторонамъ, я увидѣлъ вокругъ, недалеко около мечети, странную группу.

Взрослый мужчина и женщина, да два мальчика лѣтъ по 12—14, всѣ въ лохмотьяхъ и невѣроятно грязные, стояли понуривъ свои головы.

Всѣ они между собою были связаны по рукамъ крѣпкими ремнями...

Около нихъ стояло два «раиса» (бухарскіе полицейскіе), державшіе въ рукахъ нѣчто вродѣ плетей...

Думаю—за какое-такое коллективное преступленіе постигла такая участь цѣлую семью?

Оказывается, это были кабальщики, т.-е. люди, попавшіе за долги въ рабство.

Чтобы объяснить такое странное и ужасное явленіе, надо прежде всего кое-что сказать о нынѣшней формѣ управленія въ Бухарѣ.

Офиціальный образъ правленія—деспотическій, т.-е., Эмиръ нераздѣльно правитъ страною и права его неограничены. Такое явленіе основано на правилахъ Шаріата.

Исполнителями воли Эмира являются—Казы-Келянъ (министръ юстиціи и духовныхъ дѣлъ), а также Кушъ-бегъ (министръ финансовъ).

Провинціями управляютъ беки (губернаторы), назначенные и по желанію смѣняемые Эмиромъ. Бекства дѣлятся на амлякдарства (уѣзды). Амлякдаръ—это уѣздный начальникъ.

Жалованья (кромѣ служащихъ въ войскахъ) въ Бухарѣ никто не получаетъ. Всѣ дворцовые чины живутъ милостями и подачками Эмира.

Беки и амлякдары кормятся, какъ хотятъ, т.-е. стригутъ населеніе въ той мѣрѣ, какая имъ кажется удобной.

Законная подать состоитъ для земледѣльцевъ въ одной десятой части урожая (хераджъ), а для торговцевъ въ 2½% стоимости всего ихъ товара (зякетъ).

Земледѣлецъ не можетъ продать зерна, пока умолотъ его не будетъ опредѣленъ амлякдаромъ.

Когда произойдетъ исчисленіе обложенія, Эмиръ устанавливаетъ цѣны на продукты земледѣлія, и каждый можетъ внести подать деньгами или натурой.

А покупателями обыкновенно являются подставные лица отъ самого бека.

Тутъ, разумѣется, бекъ наживается, а населеніе стонетъ.

Иногда, но очень рѣдко, на бека рѣшаются жаловаться въ Бухару и бываютъ случаи, когда зарвавшійся сатрапъ лишается бекства и подвергается суровому наказанію, вплоть до конфискаціи его имущества и палочныхъ ударовъ.

Но, если бекъ уличался въ уменьшеніи доходовъ отъ бекства, то его ждала та же участь.

Напрасно онъ будетъ ссылаться на неурожай или другія всевозможныя причины. Оправданія ему нѣтъ!

Онъ лишается всего, превращаясь въ нищаго. И тогда онъ и дѣти его должны

продавать свой трудъ въ качествѣ поденщиковъ на рынкѣ.

Сейчасъ же, послѣ сбора урожая, бекъ обязанъ превратить натуру въ монеты и отослать ихъ въ Бухару.

Каждые 1500 рублей, зашитые въ мѣшокъ, составляютъ вьюкъ одной лошади, и сынъ бека отправляется съ караваномъ въ Бухару—сдавать подать Эмиру.

Скверныя минуты переживаетъ почтенный администраторъ, ожидая возвращенія посланнаго.

Если все обойдется по-хорошему, бекъ остается на мѣстѣ и можетъ продолжать свои коммерческо-административныя операціи.

А если въ Бухарѣ найдутъ, что присылка «мала», придется злополучному сатрапу отправить другой караванъ съ дополнительнымъ взносомъ, который выжимается на скорую руку изъ населенія.

Амлякдару тоже, волей-неволей, приходится стричь публику, ибо онъ обязанъ «дарить» беку одного верблюда, одну лошадь и двухъ барановъ и, кромѣ того, еще отъ 100 до 300 рублей презрѣннаго металла.

Иногда беку удается сойтись «по-хорошему» съ бухарскими правителями. Тогда послѣдніе предлагаютъ беку сообщить циф-

ру накопленнаго имъ капитала, послѣ чего требуютъ возвращенія въ «казну» извѣстной суммы.

Послѣ того, какъ обѣ стороны изрядно поторгуются, все кончается къ общему удовольствію и бекъ остается на мѣстѣ.

Весь доходъ поступаетъ въ кассу Эмира, который содержитъ «армію» и, по своему усмотрѣнію, раздаетъ кое-что служащимъ. Школы содержатся на частныя средства, а мадрассы на завѣщенные (вакуфные) капиталы.

Результатомъ такой финансовой системы было то, что народъ въ Бухарѣ обѣднѣлъ до крайности, а если кто-нибудь и имѣетъ кое-что, то старается спрятать свое добро подальше отъ жадныхъ глазъ бековъ и амлякдаровъ.

Долго ломали себѣ голову мудрые правители, чѣмъ поправить свои дѣлишки.

Какой-нибудь вольнодумецъ сказалъ бы, что для этого надо было бы, поднять народное благосостояніе и образованіе, усовершенствовать земледѣльческую культуру, развить торговлю и пути сообщенія и т. д. и т. д.

Но такіе совѣты вызвали бы въ Бухарѣ смѣхъ.

И въ довершеніе ея несчастія, по русско-бухарскому договору, заключенному

лѣтъ тому назадъ, бухарская казна совершенно лишилась одной очень выгодной отрасли торговли—торговли людьми.

Дѣло въ томъ, что статья 17 этого договора гласитъ: «Въ угоду Государю Императору и для вящей славы Его Величества отнынѣ, въ предѣлахъ Бухарскаго Ханства, уничтожается постыдный и противный законамъ человѣколюбія, торгъ людьми».

Такъ что *рабства* (оффиціальнаго) *въ Бухарѣ нѣтъ*. Межъ тѣмъ, торговля рабами была однимъ изъ главныхъ ея доходовъ, и уничтоженіе этой торговли для бухарской казны было равносильно упраздненію рулетки въ княжествѣ Монако. Но изворотливые азіатскіе политики сумѣли весьма «обходительно» обойтись съ 17-ой статьею договора.

Вмѣсто рабства существуетъ теперь въ Бухарѣ кабала, т.-е. то же рабство, но съ другимъ названіемъ.

Ведутся даже бухгалтерскія кабальныя книги.

Въ эти книги вносятся имена тѣхъ несчастныхъ, которые не могли своевременно уплатить казенныхъ податей, а также и имена частныхъ должниковъ.

Девяносто % изъ этихъ людей составляютъ, конечно, должники казны.

Внесенный въ кабальную книгу лица-

ется всѣхъ правъ состоянія и не смѣетъ отлучаться отъ мѣста своего жительства. Черезъ особыхъ глашатаевъ имя его выкрикивается на улицахъ и площадяхъ.

И вотъ, каждый бухарецъ, располагающій капиталомъ, имѣетъ право купить у казны тѣ претензіи, которыя она имѣетъ къ несостоятельному должнику. Если у покупателя нѣтъ свободнаго капитала, чтобы заплатить долги сразу, то достаточно, если онъ обяжется вносить деньги частями. И покупатель послѣ этого дѣлается, въ полномъ смыслѣ слова, владѣльцемъ кабальнаго человѣка.

Можно было бы думать, что кабала есть нѣчто временное, т.-е. существуетъ она лишь до тѣхъ поръ, пока должникъ не отработаетъ всей суммы долга.

Но это только въ теоріи.

Контроля надъ собственникомъ кабальнаго человѣка не имѣется никакого и рабовладѣлецъ самъ оцѣниваетъ какъ работу, такъ и стоимость его содержанія, при чемъ, конечно, себя не забываетъ.

Все это рѣзко идетъ вразрѣзъ съ ученіемъ Корана, который запрещаетъ брать проценты или обижать должниковъ.

Жаловаться кабальному некуда и некому.

До Кушинъ-бега, живущаго въ Бухарѣ,

кабальный не дойдетъ, ибо безъ разрѣшенія хозяина онъ шагу никуда сдѣлать не можетъ.

Писать?

Грамотей-бухарецъ такая же рѣдкость, какъ бѣлый негръ.

Ни одинъ туземецъ не гарантированъ отъ того, чтобы не попасть въ кабалу.

Бекъ или амлякдаръ наложитъ на неугоднаго имъ человѣка штрафъ такихъ размѣровъ, который тотъ уплатить не въ силахъ— и кабала готова!

Несчастный съ семьею (кабала распространяется также и на семью) выводится на рынокъ и продается.

А наложеніе штрафа для бухарскаго администратора не безвыгодно, ибо, по тамошнему обычаю, въ казну поступаетъ лишь часть штрафныхъ денегъ, остальныя же составляютъ доходъ лица, наложившаго его.

Штрафъ налагается, конечно, сообразно размѣрамъ состоянія и общественнаго положенія намѣченной жертвы.

Семья того кабальнаго, что я видѣлъ на бухарскомъ базарѣ, «стоила» всего около 250 рублей на русскія деньги. (Три хорошихъ верблюда!).

Ужасна участь кабальныхъ!

Они живутъ, большею частью, вмѣстѣ съ

домашними животными, или просто «на вольномъ воздухѣ». Кормятъ ихъ рисовой кашицей или, въ минуту человѣколюбія хозяина, черствой кукурузной лепешкой.

А работать заставляютъ ихъ съ утра до ночи, при чемъ никакой трудъ не считается для нихъ тяжелымъ.

За малѣйшую провинность хозяинъ имѣетъ право наказать кабальнаго не только побоями, но и заковать въ колодки. Избіеніе до смерти не рѣдкость.

И вотъ, любой бекъ и даже амлякдаръ, такимъ образомъ создаетъ для себя сколько угодно даровыхъ работниковъ.

Вѣдь постановленіе этихъ господъ о наложеніи штрафа — окончательное, и обжалованію не подлежитъ.

Ужъ разъ кто внесенъ въ кабальную книгу—несчастный и вся его семья обречены на гибель. Женщины и мужчины превращаются въ выючныхъ животныхъ, а дѣвушки служатъ въ гаремахъ потѣхой для гг. бухарскихъ администраторовъ.

Все это ужасно!

Но еще ужаснѣе то, что сдѣлать съ этимъ ничего нельзя.

Даже русскій политическій агентъ въ Бухарѣ безсиленъ, ибо онъ тутъ, разумѣется, для того, чтобы поддерживать дружеское

отношеніе къ сосѣдней странѣ, а вовсе не для того, чтобы вмѣшиваться во внутреннюю жизнь дружескаго государства, что, конечно, могло бы вызвать неудовольствіе бухарскихъ властей и, чего добраго, привело бъ къ столкновенію между Россіей... и Бухарой!

Тутъ шутки плохія!

Помочь могли бы здѣсь только капиталы достаточные для того, чтобъ выкупить несчастныхъ рабовъ, т.-е.—простите—должниковъ.

А поговорите съ бухарскимъ администраторомъ обо всемъ этомъ, онъ вамъ скажетъ:

«Помилуйте, у насъ рабства нѣтъ, а должниковъ и у васъ по головкѣ не гладятъ!»

И онъ почти правъ.

Тутъ нужны деньги и большія деньги!

Гдѣ вы, господа американскіе короли?

Гдѣ вы, гг. Рокфеллеры, Карнеджи, Асторы, Вандербильды и др.

Тутъ есть, куда отдѣлить изъ вашихъ милліардовъ...

Любопытенъ разсказъ, который я слышалъ отъ одного стараго дарвозца о такомъ «кабальномъ случаѣ».

Привожу его вамъ...

Въ Кулябскомъ бекствѣ, недалеко отъ Хирманджо, жила счастливо и въ нѣкото-

ромъ достаткѣ семья таджика (таджики—бухарцы иранскаго происхожденія).

Семья состояла изъ мужа, жены, двухъ сыновей и дочери.

Сыновья были уже взрослые, а дочь Мейхунъ, 15 лѣтъ, считалась во всемъ округѣ первой красавицей, и старикъ не нарадовался на своихъ дѣтей.

Въ одинъ прекрасный день, въ дверь сакли таджика постучалъ посланникъ отъ бека, обыкновенный раисъ (полицейскій) и, когда перепуганный старикъ вышелъ къ нему, посланецъ бека сказалъ:

— «Благодать Аллаха снизошла надъ твоимъ домомъ! Я явился къ тебѣ вѣстникомъ большой радости и чести для всей твоей семьи! Могущественный бекъ увидѣлъ твою дочь, когда она собирала плоды гранатнаго дерева, да, кромѣ того, онъ услышалъ, что она мастерица ткать маты (бухарскія матеріи) и онъ милостиво приказалъ привести ее къ нему!»

Поблѣднѣвшій старецъ сначала отъ испуга онѣмѣлъ, но, наконецъ, нашелся и отвѣтилъ:

— «Могущественный бекъ слишкомъ добръ и милостивъ къ намъ, и избави меня Аллахъ отъ того, чтобы я воспользовался для моей Мейхунъ, добротой нашего господина! Дочь

моя слишкомъ недостойна, чтобы осмѣлиться войти въ домъ бека! Да отъ солнечнаго сіянія твоего господина она завяла бы сразу. Пусть ужъ она здѣсь, въ тѣни влачитъ свои дни!»

Съ этимъ отвѣтомъ посланецъ ушелъ, оставивъ въ отчаяніи и горѣ семью таджика, ибо для всѣхъ было ясно, что бороться съ желаніемъ бека безполезно и что бѣдную Мейхунъ, такъ или иначе, придется отдать беку.

И на семейномъ совѣтѣ рѣшено было тайкомъ ночью отправить дѣвушку въ Сарыгоръ, къ родственникамъ таджика.

Такъ и сдѣлали.

А утромъ вся семья подняла ужасный вопль и крикъ, и на вопросы сосѣдей отвѣтили, что ихъ дорогая Мейхунъ вечеромъ, желая покупаться въ рѣчкѣ—утонула. А, когда посланецъ бека на другой день явился съ людьми, чтобы силою взять дѣвушку, то семья вышла къ нему въ траурныхъ одеждахъ и старый таджикъ сказалъ:

— «Аллахъ великъ! Да будетъ его святая воля! Онъ наказалъ насъ за то, что мы не приняли отъ бека его милости. На днѣ рѣчки наша радость, наша Мейхунъ покоится навѣки.»—При этомъ вся семья заливалась слезами и надо думать, что слезы эти были

искренни, ибо пережитое волненіе и разлука съ любимой дочерью представляла достаточную причину для слезъ.

Гнѣвъ бека былъ ужасенъ.

Онъ, да и все населеніе, конечно, прекрасно поняло что Мейхунъ спрятана въ укромномъ мѣстѣ и что она находится «внѣ предѣловъ досягаемости» для бека и, въ результатѣ, сластолюбивый сатрапъ черезъ кадія возбудилъ обвиненіе противъ всей семьи таджика въ томъ, что они ночью утопили дѣвушку, при чемъ приближенные бека свидѣтельствовали, что слышали жалобные крики Мейхунъ около рѣки.

Бухарское правосудіе скорое и не милостивое.

Всѣ члены семьи были присуждены къ 500 ударамъ плетьми каждому и къ уплатѣ штрафа въ 3000 тилли (тилли=3 р. 80 коп.). Такъ какъ такой огромной суммой почти никто изъ частныхъ лицъ не владѣетъ, то таджикъ и его семья были объявлены кабальными людьми.

Сакля ихъ и имущество было взято въ казну, а самъ таджикъ съ женою и сыновьями былъ выведенъ на рынокъ.

Мейхунъ же, какъ только услыхала объ участи ея родителей и братьевъ, сама явилась къ беку, и бекъ съ недѣлю отдалъ

должное ея... умѣнію ткать........ но въ помилованіи ея родныхъ, все-таки, отказалъ.

И Мейхунъ въ отчаяньи, на этотъ разъ на самомъ дѣлѣ, утопилась тамъ же, гдѣ прежде это только предполагалось.

Говорятъ, впрочемъ, что беку за его «шалости» былъ объявленъ изъ Бухары выговоръ...

Говорятъ еще, что бекъ отъ этого не утопился...

Я далекъ отъ мысли винить въ чемъ нибудь жизнерадостнаго и веселаго бека и вовсе не желаю оправдывать строптивую Мейхунъ и ея погрязшихъ во лжи родителей, но думаю:

«Ceterum censeo Carthaginem esse delendam!».

VIII.

Самаркандъ и могила Тамерлана.

Изъ Бухары я отправился въ Самаркандъ.

Дорога здѣсь удивительно однообразная и скучная, хотя, конечно, не похожая на ужасную песчаную пустыню, что тянется отъ Красноводска до Асхабада.

На 87 верстѣ отъ Бухары лежитъ городокъ Кермине, представляющій собой не малый интересъ.

Этотъ городъ служитъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ Эмира.

По бухарскимъ обычаямъ, каждый престолонаслѣдникъ долженъ служить нѣкоторое время бекомъ (губернаторомъ), чтобы научиться управлять и чтобы познакомиться съ народомъ.

Нынѣшній Эмиръ когда-то служилъ бекомъ въ Кермине, и по настоящія дни большую часть своего времени проводитъ въ немъ.

Тамъ есть нѣсколько дворцовъ, отдѣланныхъ очень роскошно, и складъ съ имуществомъ Эмира.

Есть и цитадель съ бойницами, но европейскихъ учрежденій тамъ нѣтъ совсѣмъ.

Немного дальше находится городъ Карши, и здѣсь вы уже проѣзжаете по Каршимскому оазису, гдѣ сама природа дала высокую культуру всякимъ земнымъ плодамъ. Тутъ прямо рай въ смыслѣ растительности.

Городъ Карши лежитъ на берегу рѣки Кашки-Дарьи, и очень древняго происхожденія. Онъ очень богатъ, съ громадной торговлей и со множествомъ маслобойныхъ заводовъ.

Особенно славятся въ немъ Чай ханэ (чаїныя). Въ нихъ, въ качествѣ прислуги, служатъ мальчики. Эти мальчики расхаживаютъ въ шелковыхъ халатахъ и ноги ихъ украшены браслетами. Кромѣ того, они надушены до омерзѣнія. Всѣ они до мозга костей развращены и, вообще, составляютъ позоръ и язву мусульманскихъ нравовъ...

На берегу рѣки въ г. Карши есть огромный садъ составляющій собственность Эмира.

Удивителенъ мѣстный гарнизонъ войскъ: онъ вооруженъ фитильными ружьями...

Замѣчательна здѣсь и тюрьма. Арестанты

всѣ сидятъ въ колодкахъ и содержатся всецѣло на счетъ благотворителей.

Но все на свѣтѣ кончается. Кончился и бухарскій кошмаръ, и за станціей Термесъ вы попадаете опять «въ Россію», т.-е. въ Самаркандскую область.

Въ шесть часовъ вечера я очутился на вокзалѣ въ г. Самаркандѣ.

Самаркандъ!

Тутъ вы уже стоите на исторической почвѣ, гдѣ земля, можетъ быть, оттого такъ плодородна, что вѣками удобрялась людской кровью.

Но оставимъ въ сторонѣ поэзію и вернемся къ прозѣ.

Самаркандъ столица и главный городъ Самаркандской области.

Городъ, конечно, дѣлится на Русскую и Азіатскую части и населеніе его равняется (около) 60.000 душъ—20 тысячъ русскихъ и 40 тысячъ туземцевъ.

Климатъ великолѣпный, но лѣтнія жары достигаютъ 40° Ц. въ тѣни...

Въ концѣ февраля все уже цвѣтетъ.

Растительность богатая и роскошная, и почти всѣ русскіе обитатели занимаются садоводствомъ.

Проживаетъ здѣсь начальникъ области и

имѣется, конечно, масса правительственныхъ учрежденій.

Есть Общественное собраніе и городской театръ.

Съ вокзала я проѣхалъ прямо въ гостиницу (первую въ городѣ), гдѣ драли съ меня немилосердно и отвратительно кормили. Хорошихъ ресторановъ въ городѣ нѣтъ ни одного, но зато есть недурная кондитерская, въ которой кофе и пирожками я старался вознаградить себя за отсутствующій обѣдъ.

(Я, конечно, все время говорю пока о русской части Самарканда).

Вечеромъ я пошелъ въ городской театръ и, долженъ признаться, что никому не посовѣтую попасть въ этотъ «Храмъ Музъ».

Дѣло въ томъ, что въ январѣ мѣсяцѣ въ Самаркандѣ бываетъ весьма холодно, и я въ театрѣ чуть было не замерзъ, такъ какъ театръ деревянный и, при этомъ, почти не отапливаемый. Кромѣ того, онъ построенъ въ какой-то ямѣ, гдѣ, какъ мнѣ говорили, прежде было болото. Публика—(я и еще человѣкъ тридцать товарищей по несчастью) сидѣла въ калошахъ и шубахъ и стучала зубами все время, точно кастаньетами.

Послѣ такого посѣщенія самаркандскаго театра и, несмотря на то, что день, сравни-

тельно, былъ теплый, я, вернувшись въ свою гостиницу, велѣлъ затопить печь и три дня никакъ не могъ согрѣться.

Въ городѣ существуетъ музыкальный кружокъ.

Кружокъ этотъ и содержитъ холодильникъ, называемый «Городской Театръ» и не мудрено, что дѣятельность этого Кружка все время и стоитъ на точкѣ замерзанія.

Имѣется еще Военное Собраніе съ очень хорошей библіотекой до 2000 томовъ, но туда, даже на платные вечера и спектакли, постороннихъ лицъ, а особенно лицъ не русскаго происхожденія, не допускаютъ вовсе.

Я какъ-то «зайцемъ» побывалъ тамъ: человѣкъ 10 сидѣли и молча смотрѣли другъ на друга.

Скука была легендарная.

Зато Общественное Собраніе радушно открываетъ свои двери для всѣхъ желающихъ покушать, поиграть въ карты и повеселиться.

Газетъ въ городѣ не издается.

Была одна, но «вся вышла» по обстоятельства, отъ редактора независящимъ.

Вообще надо сказать, что весь Туркестанъ утоляетъ свой газетный голодъ «Туркестан-

скимъ Курьеромъ», выходящимъ въ Ташкентѣ. Этого «Курьера» вы найдете вездѣ.

Газета юркая съ явно консервативно-либерально-реакціонно-прогрессивнымъ направленіемъ. Или, какъ говорятъ благонамѣренные люди опортунистическая!

Но самаркандцы, кажется, мало горюютъ объ отсутствіи мѣстной прессы.

У нихъ имѣется невѣроятное количество кинематографовъ, а вѣдь «Пате журналъ все видитъ и все знаетъ!»

Войско составляетъ большую часть русскаго населенія Самарканда. Затѣмъ идутъ служащіе въ разныхъ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, коммерсанты, агенты и небольшое количество лицъ свободныхъ профессій.

Но все то, что можно сказать о русской части Самарканда, можно сказать и о любомъ русскомъ губернскомъ городѣ и потому, прошу васъ послѣдовать за мной и ѣхать въ настоящій, туземный Самаркандъ.

Для этого только слѣдуетъ пересѣчь Абрамовскій бульваръ, и вы изъ будничной русской дѣйствительности сразу попадете въ сказочный, яркій міръ историческаго Востока.

Азіатскій городокъ съ его базаромъ, Чайханэ, караванъ-сараями и т. д. начинается

непосредственно за Абрамовскимъ бульваромъ. Этотъ городокъ необыкновенно грязенъ, и туземное населенiе ютится въ деревянныхъ или глиняныхъ лачугахъ, удивительно причудливой архитектуры.

Все это похоже, сказалъ бы я, на Восточный Нюренбергъ.

Лишь только вы покажитесь въ туземный городъ, какъ сейчасъ же, точно изъ-подъ земли, вырастаютъ передъ вами проводники, предлагающiе свои услуги для осмотра древностей.

Но тутъ вы натыкаетесь на курьезъ:

Всѣ эти гиды, до единаго, увѣряютъ васъ, что они сопровождали по Самарканду—кого вы думаете—Верещагина:

Они, очевидно, прекрасно понимаютъ, что имя великаго художника извѣстно всѣмъ русскимъ, и въ результатѣ получается, что Верещагинъ ходилъ по Самарканду со свитой, по крайней мѣрѣ, изъ 30-40 проводниковъ. Когда я одного изъ нихъ спросилъ, а кто же такой былъ Верещагинъ, онъ не задумываясь отвѣтилъ:

«Хорошiй господинъ былъ! Большой купецъ!»

«Не полотномъ ли онъ торговалъ?» продолжалъ я.

«Вѣрно говоришь, отвѣтилъ сартъ, хорошимъ полотномъ!..»

Взявши одного изъ этихъ гидовъ, я пошелъ за нимъ бродить по древнимъ зданіямъ города. Онъ же упорно тянулъ меня къ лавкамъ съ цѣлью заставить купить что-нибудь.

И здѣсь, оказывается, комиссіонное дѣло процвѣтаетъ.

Что за сказочное зрѣлище открывается передъ вами, когда солнце играетъ своими лучами на этихъ неувядаемыхъ краскахъ изразцовъ старинныхъ величественныхъ дворцовъ и мечетей. Грандіозность размѣровъ, красота архитектурныхъ линій и богатство красокъ переносятъ васъ въ волшебный міръ восточной поэзіи.

Но, къ сожалѣнію, здѣсь не только создавали, но и разрушали, и всѣ эти азіатскіе вояки: Александръ Македонскій, Чингисъ-Ханъ, Тамерланъ и легіонъ другихъ огнемъ и мечемъ расписались здѣсь въ своемъ пребываніи.

Поражаютъ васъ также не менѣе великолѣпные сады при каждомъ древнемъ дворцѣ или храмѣ.

И не удивительно, что послы Кастильскаго короля Генриха III, разсказывали чудеса о своемъ здѣсь пребываніи. По ихъ сло-

вамъ, городъ по своей величинѣ превосходилъ Севилью и имѣлъ 150.000 жителей!

Я всегда съ нѣкоторымъ недовѣріемъ любовался на чудныя полотна Верещагина и его закаспійскіе эскизы и подозрѣвалъ этого замѣчательнаго художника въ преувеличеніи колорита. И я радъ, что имѣю теперь случай публично покаяться въ этомъ, ибо, увидѣлъ въ натурѣ точныя копіи съ его красокъ.

Но въ чемъ заключается тайна выдѣлки эмали на изразцахъ, покрывающихъ древніе дворцы и храмы Самарканда?

Цвѣтъ красокъ также крокъ, какъ будто возникъ вчера, а это «вчера» у нѣкоторыхъ зданій считается за 2000 лѣтъ. Ни время, ни дѣйствіе атмосферы, ни жгучее солнце Туркестана не повліяли на цѣлость красокъ и они горятъ сегодня такъ же, какъ и много вѣковъ назадъ.

Изразцы окрашены въ бѣлый, синій, и желтый цвѣтъ, имѣютъ форму небольшихъ квадратиковъ и всѣ эти огромныя зданія выложены такими изразцами.

Лучше всего сохранились мечети: Тилля-Кара—выстроена Багадуромъ; затѣмъ мечеть Улугъ-Бекъ—построена внукомъ Тамерлана; мечеть Ширъ-Доръ и мечеть Биби-Ханымъ, построенная Тамерланомъ въ

честь его любимой жены. На ней день и ночь работало 700 индусскихъ рабовъ, причемъ мраморъ былъ привезенъ изъ Индіи на слонахъ.

Но самая красивая и интересная мечеть Шахъ-Зинды. Къ сожалѣнію, она хуже другихъ сохранилась и, благодаря современнымъ «ремонтамъ», значительно обезображена.

При ней существуетъ магометанская школа медрессе. При входѣ въ этотъ медрессе, съ правой стороны находится бронзовая дверь, удивительно тонкой работы, ведущая въ особую комнату. Въ этой комнатѣ, на мраморномъ пюпитрѣ, лежитъ копія съ Корана, за чтеніемъ котораго былъ убитъ Калифъ Османъ.

Подлинникъ хранится въ ..... Петербургѣ въ Имп. Эрмитажѣ!!..

Когда вы смотрите на эти грандіозныя и единственныя въ мірѣ памятники былого величія мусульманскаго міра, то, закрывши одинъ глазъ, вашъ взглядъ сможетъ въ то же время схватить и тѣ лавчонки и чайханэ, что ютятся кругомъ древнихъ гигантовъ. И, какъ мало, красота и чистота линій древнихъ мечетей гармонируетъ съ царящей кругомъ грязью!

Содержатся эти историческія сокровища плохо или, вѣрнѣе сказать, они совсѣмъ

не содержатся. Правда, не такъ давно вышло запрещеніе брать матеріалъ изъ древнихъ зданій для современныхъ построекъ, но это, именно, *недавно,* такъ что, въ сущности успѣли уже, конечно, расхитить все, что было цѣннаго по этой части.

Да, наконецъ, въ Самаркандѣ случился такого сорта анекдотъ... Пріѣхало туда, изъ Ташкента, одно очень высокопоставленное лицо изъ чиновъ туркестанской администраціи. Во время пребыванія «особы» въ городѣ, одинъ изъ легкомысленныхъ обитателей позволилъ себѣ обратить ея вниманіе на то, что надо было бы принять рѣшительныя мѣры для охраны самаркандскихъ историческихъ древностей.

И изрекла сія особа:

«Чѣмъ скорѣе разрушится все это, тѣмъ лучше для русской государственности».

Такъ сказалъ не Заратустра!

Простой администраторъ изрекъ такую мудрость...

Неужели Чингисъ-Ханъ и Тамерланъ нагнали такого страха, что еще и теперь, черезъ столько вѣковъ послѣ ихъ смерти, они могутъ быть опасны для «государственности»?

Интереснѣе всего въ Самаркандѣ мавзолей, воздвигнутый надъ могилой Тамер-

лана. Называется она «Гуръ-Эмиръ», что въ переводѣ значитъ—могила повелителя.

Мавзолей этотъ представляетъ изъ себя огромное зданіе красоты, поистинѣ, замѣчательной. Надъ центромъ его высится, выложенный цвѣтными изразцами, грандіозный куполъ. Изразцы желтаго и чернаго цвѣта и, по-моему, напоминаютъ тигровую шкуру, отъ чего все зданіе имѣетъ въ себѣ что-то зловѣщее. Лишь только вошелъ я въ мавзолей, какъ увидѣлъ въ вестибюлѣ муллу съ учениками, которые сидя на корточкахъ, хоромъ, на распѣвъ читали молитвы изъ Корана. Всѣ сейчасъ же поднялись мнѣ навстрѣчу, и на мое желаніе осмотрѣть могилу отвѣтили любезнымъ предложеніемъ проводить меня.

Внутренность зданія раздѣлена на верхнее и нижнее отдѣленіе.

Я былъ пораженъ его роскошной отдѣлкой. Вездѣ мраморъ, золото и т. п.

Въ центральной комнатѣ верхняго отдѣленія лежатъ девять камней, ибо здѣсь, кромѣ Тамерлана, погребенъ еще его сынъ, его совѣтники и какой-то магометанскій святой. Самый главный камень, конечно, надъ могилою Тамерлана.

Камень этотъ единственный въ мірѣ, черный нефритъ-монолитъ огромной величины.

Но онъ расколотъ пополамъ (какъ говорятъ, персидскимъ царемъ Шахъ - Надиромъ). Этотъ чудный камень привезли изъ провинціи Хотанъ, и высѣченъ онъ изъ горъ Куэнъ-Лунъ. На немъ есть арабская надпись, содержащая въ себѣ генеалогію Тамерлана и Чингисъ-Хана, преданіе о томъ, какъ Аланкува забеременѣла отъ луча солнца и дата смерти Тамерлана (807 годъ гедржи 14 мѣсяца шаобана).

Въ мавзолеѣ молилось нѣсколько правовѣрныхъ и, вообще, тамъ часто совершаются богослуженія.

Возлѣ могильнаго камня стоитъ высокое знамя, на которое вѣрующіе вѣшаютъ лоскутки разноцвѣтныхъ матерій. Сколько я ни распрашивалъ, но не могъ добиться объясненія этого обычая.

Больше всего, лично меня, поразили мраморныя перила ажурной работы кругомъ могильныхъ камней. Такое тонкое мраморное кружево, изображающее виноградныя лозы, едва ли, я думаю, было гдѣ либо сдѣлано съ такимъ искусствомъ.

Мулла зажегъ двѣ восковыя свѣчи и предложилъ мнѣ сойти въ нижнее отдѣленіе, и, спускаясь долго внизъ по узкимъ и темнымъ катакомбамъ, я, наконецъ, очутился въ под-

земельѣ, гдѣ собственно и погребенъ Желѣзный Хромецъ, Бичъ Божій Тамерланъ.

Странная мысль приходитъ человѣку въ голову, когда онъ стоитъ у гроба Тамерлана...

Прежде всего — кто былъ Тамерланъ? Покойный профессоръ Т. П. Грановскій, въ своей лекціи о Тамерланѣ въ одномъ мѣстѣ назвалъ его «великимъ». Я всегда съ благоговѣніемъ относился къ дѣятельности этого замѣчательнаго историка, но думаю, что эпитетъ «великій» трудно приложимъ къ человѣку, который ничего не создавъ, только разрушалъ и, который какъ кровожадный безсмысленный звѣрь рыскалъ по землѣ, жегъ, избивалъ, грабилъ и, въ концѣ-концовъ, построилъ себѣ башню изъ 70000 отрубленныхъ головъ!

Даже свою дикую монгольскую культуру и ту Тамерланъ не старался привить побѣжденнымъ. Онъ только убивалъ и разрушалъ!..

И жаль, что нѣмецкій историкъ-сатирикъ Іоганесъ Шерръ не взялъ для одной изъ своихъ историческихъ монографій такого субъекта, какъ Тамерланъ!

Для русской «государственности» думаю, что мавзолей надъ могилой Тамерлана опасности не представляетъ, но если его сегодня

поглотила бы земля, стало бы легче и не такъ стыдно за человѣка. Для человѣка современнаго развитія и съ умѣніемъ разбираться трезво и просто въ дѣлахъ прошедшаго, Тамерланъ является, конечно, ничѣмъ инымъ какъ хулиганомъ огромныхъ размѣровъ, одаренный, къ несчастью, властью, такъ сказать, хулиганъ-чемпіонъ. И никакіе ореолы древней поэзіи его на другое мѣсто не поставятъ.

Туземцы въ Самаркандѣ шепотомъ говорятъ о томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какой-то англичанинъ, осматривавшій мавзолей Тамерлана—плюнулъ на великолѣпный нефритъ и спасся лишь чудомъ отъ смерти и отъ ножей муллъ.

Привѣтъ вамъ, сэръ!

Very nice!

IX.

Кокандъ, Скобелевъ и Андижанъ.

Въ Кокандѣ, вы уже находитесь въ Ферганской Области.

Послѣ видѣнныхъ мною до сихъ поръ городовъ края, Кокандъ производитъ впечатлѣніе настоящаго «города».

Широкія, шоссированныя улицы, прекрасные, иногда, прямо шикарные дома, развитая уличная жизнь—даетъ иллюзію большого центра.

И вѣдь на самомъ дѣлѣ: въ Кокандѣ 85.000 жителей въ обѣихъ (европейской и азіатской) частяхъ города. Масса правительственныхъ учрежденій, безчисленное количество отдѣленій частныхъ банковъ, имѣются представители почти всѣхъ крупныхъ московскихъ торговыхъ фирмъ и есть превосходныя гостиницы.

Кокандъ—хлопковая столица Туркестана и главный его рынокъ, на который въ іюлѣ

мѣсяцѣ съѣзжаются для закупки этого продукта и гдѣ совершаются милліонныя сдѣлки.

И, какъ въ Баку только говорятъ о нефти, въ Петербургѣ только о производствахъ, въ Тулѣ только о пряникахъ, такъ и въ Кокандѣ—все вертится около хлопка.

Мѣстные воротила по хлопковымъ операціямъ, большею частью, евреи и армяне, а комиссіонеры состоятъ уже исключительно изъ представителей только этихъ двухъ націй.

Они (какъ пажи и правовѣды въ Петербургѣ) попадаются вездѣ на улицахъ, въ ресторанахъ, въ клубахъ и т. д.

Но я попалъ въ Кокандъ въ январѣ, въ то время, когда почтенная корпорація кокандскихъ комиссіонеровъ имѣетъ видъ сонныхъ мухъ. Къ хлопковому сезону, они, конечно, оживляются, и тогда Кокандъ представляетъ собой большую мухоловку.

Туземная часть города не очень стара (всего 200 лѣтъ), но имѣетъ огромный и богатый азіатскій базаръ чисто восточнаго характера, гдѣ и торговцы и покупатели все сарты.

Городъ былъ основанъ въ 1732 году Абду-Раимъ-біемъ на болотѣ, гдѣ водилось множество дикихъ кабановъ. Это обстоятельство

причиняло и причиняетъ и теперь много горя для самолюбивыхъ мѣстныхъ аборигеновъ, ибо, слово *кокъ*, по мѣстному означаетъ свинью и названіе Кокандъ—городъ свиней. Туземцы относятъ это названіе не столько къ дикимъ кабанамъ, какъ къ мирнымъ еврейскимъ и армянскимъ комиссіонерамъ...

Я не мало погулялъ по восточному базару Коканда, на которомъ найдется масса древнихъ и современныхъ произведеній Востока. Персидскіе ковры, старинное оружіе, индійскія шали, жемчуга и бирюза, рѣдкія ткани, китайскій фарфоръ—все это вы здѣсь увидите.

Но я проклялъ восточный способъ торговли, отнимающій массу времени и который, обязательно, идетъ по заведенному этикету.

Я думаю, что русскій способъ совершать коммерческія сдѣлки въ трактирахъ, несомнѣнно восточнаго (татарскаго) происхожденія.

Англичанинъ съ его «время деньги» возбудилъ бы здѣсь смѣхъ, зато русская поговорка—«дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ» у всѣхъ Ахметовъ, Сеидовъ, Абдуловъ, нашла бы полное сочувствіе.

Вотъ, напримѣръ, какъ покупается какая-нибудь вещь здѣсь на базарѣ:

Въ одной изъ лавокъ, увидалъ я прекрасный ятаганъ, лежавшій на прилавкѣ между всякимъ хламомъ.

Хозяинъ лавки, старикъ сартъ, сидѣлъ на коврѣ и въ полудремотѣ похлебывалъ изъ піялы зеленый чай, изрѣдка затягиваясь изъ стоявшаго передъ нимъ неизмѣннаго кальяна.

Зная восточный обычай, я, войдя въ лавку, первымъ долгомъ поклонился ему, онъ же, плохимъ русскимъ языкомъ, далъ мнѣ понять, что безумно счастливъ видѣть такого великолѣпнаго господина какъ я. Гдѣ-нибудь у насъ, я просто спросилъ бы о цѣнѣ ятагана, но такая наивная прямолинейность здѣсь не принята да и не выгодна, поэтому я похвалилъ ковры, лежавшіе тоже на прилавкѣ. (Ковры, между прочимъ, были плохіе и меня нисколько не интересовали).

Сартъ тогда, сейчасъ же, съ большимъ участіемъ началъ справляться о моемъ здоровьи и о здоровьи моихъ родныхъ и пригласилъ меня выпить чашку чая и покурить.

Я сѣлъ съ нимъ рядомъ на коврѣ и выразилъ свою радость, узнавъ, что онъ и вся его семья живутъ вполнѣ благополучно. Немного погодя, я (какъ это полагается), *между прочимъ* и *невзначай* спросилъ про

ятаганъ. Тутъ сартъ немного оживился и полушепотомъ сообщилъ мнѣ, что ятаганъ этотъ составляетъ его гордость и, въ то же время, семейную святыню и что «этимъ ятаганомъ самъ Худояръ-Ханъ кромсалъ своихъ враговъ». Тогда я выразилъ сожалѣніе, что ятаганъ не продается, но сартъ поспѣшилъ меня успокоить:

«Я и моя семья никогда не думали, что намъ будетъ возможно разстаться съ такой вещью, но, на все воля Аллаха, и для такого знатнаго и богатаго чужестранца, какъ я, онъ готовъ пожертвовать не только ятаганомъ, но и всѣмъ, что ему дорого!»

Я горячо поблагодарилъ благороднаго старика за его самопожертвованіе и робко освѣдомился о цѣнѣ ятагана.

Старикъ, вздохнувъ, назвалъ мнѣ такую цифру, что я, кажется, закачался и если бы не ухватился за стоящій рядомъ столикъ пожалуй, упалъ бы на спину. Онъ потребовалъ—300 рублей... Придя въ себя, я отвѣтилъ, что ятаганъ, по моему мнѣнію, стоитъ гораздо больше, но передъ нимъ сидитъ бѣднякъ, обладающій суммой всего въ 15 руб.

На этой суммѣ мы и сошлись.

Мои кокандскіе пріятели, которымъ я показывалъ этотъ ятаганъ, сказали мнѣ, что я переплатилъ...

Говорятъ, что въ этомъ родѣ, совершаются въ Кокандѣ и хлопковыя сдѣлки.

Такъ какъ ни одинъ городъ Туркестана не обходится безъ своей мѣстной болѣзни, то и Кокандъ не составляетъ исключенія. Почти 25% жителей болѣетъ зобомъ.

Въ «городѣ свиней» я пробылъ всего 4 сутокъ и выѣхалъ дальше въ Скобелевъ, иначе говоря, Новый Маргеланъ.

Скобелевъ находится очень далеко отъ вокзала (4 версты), и послѣ изрядной тряски по ужасной дорогѣ, я очутился въ гостиницѣ «Боярскій Дворъ». Гостиница скверная, но зато очень дорогая. Обѣдать можно только въ извѣстное время, и при этотъ—скверно. Пріѣзжающихъ стригутъ, какъ барановъ. Съ меня взяли отдѣльно за постельное одѣяло по 50 копеекъ въ сутки...

Скобелевъ чисто русскій городъ, и туземцевъ тамъ почти-что не видать. Развѣ только на съѣстномъ рынкѣ, гдѣ сарты торгуютъ мясомъ и зеленью.

Въ городѣ сосредоточены всѣ областныя правительственныя учрежденія.

Жителей около 20.000 человѣкъ. Изъ нихъ половина страдаетъ мѣстной болѣзнью, болотной лихорадкой.

Улицы очень широкія, но плохо или совсѣмъ не мощеныя, и въ дождливую погоду

непролазная грязь заставляетъ гражданъ и гражданокъ сидѣть дома.

При этомъ извозчиковъ очень мало, и, чувствуя себя господами положенія, они горды какъ испанскіе гранды и ругаются такъ, что можно подумать, что они всѣ принадлежатъ къ «крайнимъ правымъ»...

Дома—всѣ одноэтажные и удивительно скучной, однообразной постройки. Только домъ губернатора и Военное Собраніе въ два этажа, при чемъ при домѣ губернатора есть большой и прекрасный садъ.

Вообще, въ Скоболевѣ масса зелени и воды. А послѣднее—рѣдкость для туркестанскаго города.

Чудесный паркъ занимаетъ большое пространство по самой серединѣ города; да и при каждомъ домѣ въ Скобелевѣ имѣется садъ и купальня.

Военное Собраніе имѣетъ очень хорошую зрительную залу со сценой, и въ немъ можно недурно и недорого обѣдать и ужинать.

Но нѣтъ розы безъ шиповъ!

Шипы Военнаго Собранія изображаютъ гг. распорядители изъ военныхъ.

Они крайне заносчивы и смотрятъ на бѣдныхъ штатскихъ, какъ на существа низшей породы.

Несмотря на то, что я попалъ въ Ско-

белевъ какъ разъ на масляницу, рѣдко гдѣ я испытывалъ такую скуку, какъ тамъ.

Насколько Кокандъ кипитъ жизнью, настолько Скобелевъ похожъ на огромное кладбище, при чемъ, похоронные обряды совершаются въ Военномъ Собраніи, въ штабъ-квартирѣ скуки и унынія.

И я былъ радъ, когда испанскій грандъ, переодѣтый извозчикомъ, повезъ меня, спустя пять дней, на вокзалъ и я очутился въ вагонѣ по дорогѣ въ Андижанъ.

Андижанъ, по своему офиціальному положенію, является лишь уѣзднымъ городомъ Ферганской Области, но жизни въ немъ, куда больше, чѣмъ въ Скобелевѣ, да и по количеству населенія (50.000) онъ превышаетъ его.

Это, конечно, происходитъ оттого, что Андижанъ является центромъ земледѣльческаго района съ могучими полосами лѣса и, кромѣ того, въ его уѣздѣ находятся лучшія, хлопковыя плантаціи края.

И здѣсь совершаются громадныя сдѣлки по закупкѣ хлопка.

Азіатская часть города никакого значенія не имѣетъ. Туземцы почти всѣ живутъ рядомъ и вмѣстѣ съ русскими.

Какъ достопримѣчательность, стоитъ осмотрѣть братскую могилу и мавзолей надъ

павшими войнами во время туземнаго возстанія 1897 года.

Но главная, настоящая достопримѣчательность Андижана—это его невѣроятная, чисто легендарная грязь.

Вы не подумайте!

Это не лѣчебная какая-нибудь грязь, а, наоборотъ, грязь, отъ которой люди мрутъ, какъ мухи.

Уже съ вокзала начинается она, жидкая, желтая, въ аршинъ глубины. Весь городъ тонетъ въ ней и о хожденіи пѣшкомъ не можетъ быть и рѣчи. Были случаи, когда лошади тонули буквально вмѣстѣ со своими сѣдоками...

И надо думать, что конюшни Авгія, сравнительно съ андижанскими улицами, представляли собой по чистотѣ, операціонныя залы берлинской клиники!

И живутъ же люди въ такихъ клоакахъ!

Немудрено, что администрація стыдливо запрещаетъ иностранцамъ въѣздъ въ города Туркестана...

Пожалуй, что и неловко...

Гостиницы въ Андижанѣ такія же грязныя и неустроенныя, какъ и улицы. Но цѣны за комнаты берутъ такія, какъ-будто грязь въ нихъ привезена изъ одесскаго лимана и, если бы въ Андижанѣ не существовало

клуба, то путешественникъ умеръ бы съ голоду.

Какимъ-то секретнымъ, вѣроятно, только имъ однимъ извѣстнымъ, способомъ, андижанцы ухитряются вечеромъ по своей грязи доплыть до клуба, гдѣ веселье стоитъ столбомъ. Тамъ ужинаютъ, танцуютъ и т. д., при чемъ есть оркестрикъ и кое-какіе кафешантанные номера.

Послѣ того, какъ я въ одинъ изъ вечеровъ отдалъ дань легкой музѣ кафешантана, зайдя на слѣдующій день туда пообѣдать, я былъ несказанно удивленъ, попавъ въ грозное царство Ѳемиды.

Въ помѣщеніи, гдѣ наканунѣ вечеромъ, продѣлывались самыя легкомысленныя вещи, засѣдала выѣздная сессія Окружнаго суда изъ Скобелева и суровый товарищъ прокурора настаивалъ на обвиненіи тамъ, гдѣ вчера все и всѣ признаны были заслуживающимъ безконечнаго снисхожденія.

Почти всѣ дома въ Андижанѣ деревянные и въ одинъ этажъ, что очень раціонально, ибо землетрясенія здѣсь очень часты и наступаютъ всегда такъ внезапно, что, благодаря лишь подобному типу постройки, жителямъ есть быстрая возможность спастись.

Да легкіе толчки почти ежедневное явленіе въ Андижанѣ, къ которому всѣ уже

привыкли. Два раза ночью и я самъ просыпался такимъ образомъ. Мнѣ показалось, что кто-то поднимаясь приподнимаетъ мой матрасъ и я даже посмотрѣлъ подъ кровать, думая найти подъ нею вора.

А это былъ просто подземный толчекъ, но я сразу вошелъ въ положеніе андижанца, ибо сейчасъ же заснулъ опять.

Но, разумѣется, Андижанъ, живетъ подъ постояннымъ страхомъ повторенія катастрофы, которая случилась, сравнительно, не такъ давно, когда половина города и масса жителей погибли отъ землетрясенія.

Этимъ, я думаю, и надо объяснить особенную религіозность туземныхъ сартовъ.

Какъ разъ съ тѣмъ же поѣздомъ, на которомъ я ѣхалъ въ Андижанъ, возвращалось изъ Мекки нѣсколько странниковъ, (хаджи) побывавшихъ тамъ на поклоненіи у гроба Пророка. Буквально весь туземный Андижанъ былъ на ногахъ и высыпалъ на вокзалъ, чтобы получить первое благословеніе отъ хаджи, помолившагося у священной Каабы.

Это было, буквально, цѣлое море халатовъ и чалмъ всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ, и всѣ эти люди, прямо на ходу поѣзда, брали его приступомъ, рискуя по-

пасть подъ его колеса, лишь бы получить первымъ чудесное благословеніе.

Гейне какъ-то сказалъ: «есть всего только одинъ умный нѣмецъ, и то это не нѣмецъ, а еврей».

И можно сказать:

Одна, дѣйствительно прекрасная вещь есть въ Андижанѣ, и то это не въ самомъ Андижанѣ, а около него.

Это Джелабадъ!

Джелабадскіе источники лежатъ въ Кугартскихъ горахъ.

Нѣкоторые изъ нихъ горячіе, нѣкоторые холодные, но всѣ они обладаютъ большой лѣчебной силой.

Они отличаются большимъ содержаніемъ органическихъ веществъ, а горячія воды имѣютъ до 40° Ц. при явственномъ запахѣ сѣро-водорода.

Устройство эти богатые источники имѣютъ такое же, какъ и всѣ природныя богатства Туркестана, т.-е. никакого...

Не мало своей лепты внесъ русскій для благоустройства Біарицца, Киссингена и Карлсбада. И будетъ съ насъ!

Вотъ, между прочимъ, какую легенду разсказываютъ туземцы о возникновеніи этихъ источниковъ:

Благочестивый Аюбъ (Іовъ) подвергся

разъ искушенію. Сперва Господь отобралъ отъ него все имущество, а затѣмъ ужасная болѣзнь покрыла все его тѣло язвами, въ которыхъ кишѣли черви. И понялъ Аюбъ, что гнѣвъ Божій караетъ его за гордость и смирился онъ духомъ и горячо помолился Всевышнему. Сорокъ лѣтъ мучился несчастный и сказалъ ему, наконецъ, Аллахъ:—«Ты безропотно перенесъ искушеніе! Насталъ конецъ твоимъ мукамъ! Ударь правой ногой о камень!»

И не успѣлъ Аюбъ исполнить приказаніе Аллаха, какъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ударилъ онъ ногою, забилъ изъ земли ключъ горячей воды и, искупавшись въ этой водѣ, Аюбъ получилъ исцѣленіе. И велѣлъ ему Аллахъ ударить въ землю лѣвой ногой и изъ этого мѣста забилъ ключъ холодной воды. Напился ее Аюбъ и совершенно выздоровѣлъ...

Такова легенда!

Не нужно быть злымъ человѣкомъ, чтобы пожелать, чтобы кто-нибудь изъ лицъ высшей туркестанской администраціи заболѣлъ наподобіе Іова.

Быть можетъ, тогда что-нибудь и было бы сдѣлано для благоустройства Джелабадскихъ источниковъ...

X.

Ташкентъ и Оренбургская дорога.

Заключеніе.

Ташкентъ!

Лишь только по пріѣздѣ выйдете вы изъ вагона на платформу, какъ сразу почувствуете, что попали въ большой городъ.

Прекрасный, огромный вокзалъ полонъ движенія!

Отъ самаго вокзала гремитъ трамвай и снуетъ по всѣмъ направленіямъ.

Дальше вы увидите прекрасныя улицы съ оживленной толпой, съ великолѣпными магазинами и, наконецъ, очутившись въ гостиницѣ «Россія», вы сразу убѣдитесь, что послѣ азіатскаго Туркестана, находитесь въ убѣжищѣ европейской техники и комфорта.

Умывшись и прекрасно пообѣдавъ, я, не теряя времени, пошелъ осматривать Таш-

кентъ. (Говорю пока о русской части города).

И, повторяю, сразу онъ дѣлаетъ прекрасное впечатлѣніе.

Да, въ концѣ-концовъ, Ташкентъ, все-таки, столица всего Туркестана съ населеніемъ въ 160.000 душъ (русскаго элемента всего 30.000).

Климатъ чудесный.

Во время моего тамъ пребыванія (конецъ февраля), стояла полная, цвѣтущая весна.

Въ Ташкентѣ находятся всѣ главныя учрежденія, гражданскія и военныя, по управленію Туркестанскаго Края и 50% русскаго населенія состоитъ изъ чиновниковъ и военныхъ.

Въ городѣ издается три газеты, имѣется театръ, Военное и Гражданское общественное собраніе. На улицахъ гудятъ автомобили и встрѣчаются (тоже признакъ большого города) «жертвы общественнаго темперамента», чѣмъ, кажется, ташкентцы не мало гордятся...

Однимъ словомъ, прогрессъ и цивилизація!..

При этомъ, растительность, прямо, роскошная и въ городскихъ общественныхъ садахъ (ихъ есть нѣсколько), подъ чуд

нымъ южнымъ небомъ гулять—одно наслажденіе.

И если бы не встрѣчались постоянно сарты и киргизы, верблюды, ослики и другіе атрибуты Востока, вы легко могли бы вообразить себя въ европейскомъ городѣ средней руки.

Таково первоначальное впечатлѣніе отъ Ташкента.

Но проживъ въ городѣ, какъ я, недѣлю, вы, къ собственному удивленію, убѣдитесь, что находитесь въ глухой провинціи!

Прежде всего, на улицахъ, въ ресторанахъ, въ театрѣ, въ клубѣ —вы встрѣтите все однихъ и тѣхъ же лицъ и къ тому же сроку вы будете лично знакомы, чуть ли не со всѣмъ ташкентскимъ «обществомъ».

Это происходитъ, конечно, оттого, что «общество» въ городѣ, собственно, очень не велико.

Вѣдь изъ 30.000 русскихъ, половина приходится на нижнихъ воинскихъ чиновъ и на низшихъ служащихъ въ разныхъ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ.

А проживъ еще недѣлю, вы, навѣрное, узнаете всю подноготную изъ жизни «нашихъ ташкентцевъ».

И первоначальное впечатлѣніе исчезаетъ, какъ Fata morgana!

Любимое развлеченіе ташкентцевъ по праздникамъ состоитъ въ поѣздкахъ (пикники) въ сады окрестныхъ ауловъ и кишлаки сартовъ. Эти поѣздки носятъ особое названіе «ѣхать на рыбалку», и ташкентцы добросовѣстно сидятъ на берегу арыка и ловятъ рыбу, которой въ арыкѣ совсѣмъ не водится.

Когда я спросилъ одного такого спортсмена:

«Неужели вы когда-либо что нибудь поймали въ арыкѣ?» Онъ мнѣ отвѣтилъ:

«Какъ вамъ сказать, лихорадку я нѣсколько разъ ловилъ, а что касается рыбы, то я вѣдь не для рыбы сижу съ удочкой, а для удовольствія.»

Понятно, не всѣ удовольствія горожанъ носятъ такой идиллическій характеръ.

Въ Ташкентѣ есть нѣсколько кафе-шантановъ, и я побывалъ въ первокласномъ изъ нихъ, въ «Кало».

Это было нѣчто ужасное, и я не могу себѣ вообразить, каковы же должны быть тамъ второклассные кафе-шантаны.

Есть еще драматическое общество, и при мнѣ въ Собраніи состоялся вечеръ въ память, такъ трагически умершей въ Ташкентѣ, В. Ф. Коммиссаржевской. Играли любители и очень недурно.

Другимъ развлеченіемъ для обывателей служитъ постоянная полемика между мѣстными газетами.

Ругаются мастерски, и иногда, прибѣгаютъ и не къ совсѣмъ «парламентскимъ» пріемамъ.

Напримѣръ:

«Туркестанскія Вѣдомости» редактируетъ нѣкій г-нъ Левинъ.

Въ одинъ прекрасный день, въ редакціи его газеты получилась телеграмма (это было при мнѣ) изъ какого-то туркестанскаго города, что въ Ташкентъ скоро прибудетъ знаменитый итальянскій пѣвецъ «Нивель Карудъ». И только послѣ того, какъ извѣстіе это было напечатано, поняли мистификацію, ибо если читать «Нивель Карудъ» съ конца, то получается нѣчто, для г-на Левина не совсѣмъ лестное.

Телеграмма была, конечно, отправлена по иниціативѣ другой редакціи, но ташкентцы получили удовольствіе, и всѣ, кромѣ г-на Левина, были довольны... Нехорошо господа!

Бичемъ Ташкента являются лютыя жары. Они доходятъ до фантастическихъ размѣровъ и занятія лѣтомъ, по этой причинѣ, въ государственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ производятся только отъ восьми ча-

совъ утра до часа дня, послѣ чего даже улицы пустѣютъ.

Извозчиковъ въ городѣ очень небольшое количество и они дороги, и если вы, отправляясь въ театръ, заранѣе не позаботитесь о немъ, то рискуете возвращаться домой pedes apostolorum.

Несравненно болѣе интересенъ туземный, такъ сказать, настоящій Ташкентъ. Городъ очень старый, и въ немъ есть, напримѣръ, медрессе Баракъ-Ханъ, выстроенное 600 лѣтъ назадъ кокандскимъ ханомъ Баракомъ.

Въ мечети Хазретъ-Имамъ погребенъ основатель ислама въ Туркестанѣ Абукерка, умершій въ 926 году нашей эры. Вообще, здѣсь множество памятниковъ древности— одинъ интереснѣе другого.

Но, оставя въ покоѣ мертвыхъ и обращая наши взоры на живыхъ, приходится сказать, что самое интересное въ Ташкентѣ, это его базаръ.

По величинѣ и по торговому своему значенію онъ занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ базаровъ Туркестана.

Въ немъ сосредоточены всѣ новыя и старыя произведенія Востока, и улицы его бываютъ такъ всегда переполнены народомъ, что нельзя ни пройти, ни проѣхать.

Во время мусульманскаго поста (ураса),

эти улицы имѣютъ особенный видъ. Населеніе, воздерживаясь въ теченіе всего дня отъ пищи, съ наступленіемъ вечера наполняетъ всѣ чайныя и харчевни (чай-ханэ и ашъ-ханэ), и веселье идетъ до самого утра.

Это называется «Тамаша».

Сарты очень любятъ музыку, и у нихъ есть свои оркестры изъ туземныхъ инструментовъ.

Такихъ оригинальныхъ инструментовъ я нигдѣ не встрѣчалъ, но самая «музыка» до того «азіатская», что даже мнѣ, по этой части видавшаго виды, было какъ-то не по себѣ.

Хотя, она напомнила мнѣ, по своему мелодическому рисунку и по своей гармонизаціи, нѣкоторыя музыкальныя произведенія нашихъ передовыхъ композиторовъ - декадентовъ.

Сарты въ торговомъ мірѣ Туркестана пользуются дурной славой, и мнѣ говорили, что въ борьбѣ съ «неплатежами», сарты всегда остаются побѣдителями. Онъ просто всегда остаются побѣдителями. Сартъ просто отказывается отъ своей подписи и, такимъ образомъ, получаетъ право — не платить. «Побѣдителя не судятъ», или очень рѣдко.

Великій князь, живущій въ Ташкентѣ, пользуется большой любовью и популярностью среди ташкентцевъ. Его семья часто

посѣщаетъ театръ Общественнаго собранія, гдѣ имѣется спеціальная великокняжеская ложа.

Въ этомъ Собраніи я читалъ свой докладъ о сибирской каторгѣ и сибирскихъ бродягахъ, вообще, о своемъ путешествіи по Сибири въ 1908 году, при чемъ было демонстрировано нѣсколько номеровъ изъ записанныхъ мною пѣсенъ каторжанъ...

Залъ былъ переполненъ, и присутствовавшій на вечерѣ Генералъ - Губернаторъ Самсоновъ выразилъ мнѣ свое удовольствіе несколькими любезными словами.

Не безъ сожалѣнія растался я съ Ташкентомъ, откуда отправился прямо въ Оренбургъ.

Лютому врагу не пожелаю испытать то, что испытываетъ человѣкъ, отправившійся по оренбургской ж. д. изъ Ташкента.

Я не попалъ на поѣздъ (скорый) прямого сообщенія Москва-Андижанъ, а поѣхалъ на почтовомъ.

Войдя въ вагонъ II класса, я, по неопытности своей, сначала было обрадовался, ибо вагонъ былъ почти пустъ и я почувствовалъ себя великолѣпно, располагая такимъ просторомъ и занимая одинъ цѣлое купэ. Я даже, не обратилъ вниманія на удивленные взгляды кондукторовъ, въ глазахъ которыхъ

даже свѣтилось какъ будто участіе и какое-то сожалѣніе. Но скоро я понялъ, что сдѣлался жертвой своей неопытности, и что суровые кондуктора иной разъ обладаютъ сердцемъ, способнымъ сочувствовать горю ближняго.

Начиная съ того, что благодаря размыву пути, я изъ Ташкента въ Оренбургъ тащился трое сутокъ и пріѣхалъ туда голодный и холодный.

На всемъ огромномъ протяженіи дороги не имѣется ни одной станціи, гдѣ можно было бы, хоть сносно, что-нибудь поѣсть, и когда я, разсвирѣпѣвъ отъ голода, на одной изъ остановокъ высказалъ мое негодованіе, буфетчикъ мнѣ отвѣтилъ:

— Для кого же прикажете держать провизію? Хорошіе господа ѣдутъ со скорымъ поѣздомъ.

Онъ, наконецъ, подалъ мнѣ бифштексъ (кажется изъ конины) такой твердости, что я жевалъ его чуть ли не вплоть до Оренбурга.

Но что же дѣлать?

«Я далъ ему злато и проклялъ его!»

Со станціи «Аральское море» мы вступили въ область русской зимы, а близъ

Оренбурга долго стояли, благодаря снѣжнымъ заносамъ.

А вагоны почти не топили...

И въ Оренбургъ я пріѣхалъ въ состояніи, недавно открытаго профессоромъ Бахметьевымъ, анабіоза, т.-е. на грани между жизнью и смертью, благодаря искусственному замораживанію меня Управленіемъ Оренбургской ж. д.

И только въ Оренбургѣ я постепенно оттаялъ, откормился.

Оттуда, въ Москву, я вернулся черезъ Бузулукъ - Сызрань.

Итакъ, побывавъ въ Туркестанѣ и проведя тамъ почти четыре мѣсяца я, резюмируя свои впечатлѣнія, позволю себѣ сказать слѣдующее:

Огромныя природныя богатства края, трудолюбіе и способности туземцевъ могли бы создать изъ страны земной рай.

Но ирригація, безъ которой край гибнетъ, возможна только при помощи энергичныхъ людей и при большихъ капиталахъ.

Но, до сихъ поръ, такихъ русскихъ предпринимателей не находилось, а иностранцамъ съ иностранными капиталами доступъ въ Туркестанъ закрытъ.

И выходитъ: ни себѣ, ни людямъ!

А жаль! Я не алхимикъ, но скажу по секрету—Туркестану нужна вода, а людямъ нужно золото.

Несите ваше золото въ Туркестанъ и превратите его въ воду, и изъ этой воды вы опять добудете золото, да еще сторицей.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.